

История и этимология славянских языков

Полоноязычные печатные издания и рукописи из собрания Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова как источник сведений по истории польского языка

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Польский язык, история польского языка, «гражданка», библиотека Радзивиллов в Несвиже, библиотека Стравинских в Накрышках, языковые особенности, орфографические особенности, «креска»

Summary. A review of some rare editions and manuscripts from the Scientific Library of Moscow State University named after M. Lomonosov has been offered, among which are some works of religious content, dated the 17–18 centuries; some historical documents related to the November revolt of 1831 and also a complete set of textbooks in «grazdanka» published for Polish elementary schools after the defeat in the January revolt of 1863.

В докладе предпринят обзор собрания редких польскоязычных источников, хранящихся в фондах Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Многие из этих работ отсутствуют в классическом труде Кароля Эстрайхера «Польская библиография». Объектом анализа являются издания XVII–XVIII вв. религиозного содержания (Гедеона Еленьского, Станислава Косиньского, Леона Креуз-Ржевуского, Томаша Млодзяновского, Шимона Окольского, Ионаша Шлихтыка и других), военные документы периода Ноябрьского восстания 1831 г. (приказы,

циркуляры, листовки, в том числе рукописные документы из штабов генералов Кольшко и Раморино), учебники для начальной школы, напечатанные «гражданкой» по инициативе Устроительного Комитета после поражения Январского восстания 1863 г., а также некоторые другие источники. Предмет анализа — содержание, орфографические и языковые особенности памятников. Предполагается, что подробный анализ каждого из этих произведений может быть темой курсовых и дипломных работ студентов-полонистов.

Об особенностях представления «общеславянского элемента» в русском и украинском литературных языках

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия)

Праславянские рефлексy, украинский и русский языки, литературный язык

Summary. In this paper are considered features of occurrence, adaptation and interaction of genetically non-uniform reflexes preslavic combinations. The revealed laws of realization morphonologic the alternations containing «generalslavic element», in the course of evolution East slavic, and further Russian and an Ukrainian of literary languages have allowed to open mechanisms of folding of their systems on each of historical stages.

Рефлексы праславянских сочетаний — объект давнего и пристального внимания лингвистов. Являясь результатом важнейших процессов развития праславянского языка, некоторые из рефлексов по-разному реализовались на почве отдельных славянских ветвей, становясь их своеобразным диагностирующим признаком. Данное обстоятельство является чрезвычайно важным в условиях влияния старославянского языка, южнославянского в своей основе, на становление собственных литературных языков славян. Наличие «общеславянского элемента» (Н. С. Трубецкой) позволяет в определённой степени раскрыть механизм формирования и развития системы восточнославянского литературного языка, а также выявить сходства и различия дальнейшей судьбы близкородственных языков.

В силу целого ряда экстралингвистических факторов наибольшее воздействие старославянского языка (а точнее — его непосредственного преемника — церковнославянского языка) испытал восточнославянский язык, в котором с момента столкновения генетически неоднородных рефлексов праславянских сочетаний наблюдается процесс их взаимодействия, приведший к определённой гетерогенности системы литературного языка.

Уже в ранний период наибольшие расхождения в функционировании наблюдается между группой, представляющей полногласные / неполногласные сочетания, и рефлексами *tj, *dj. Для неполногласия не было необходимости в фонетической адаптации на русской почве, в результате чего южнославянские и восточнославянские элементы вступают в коррелятивные отношения, особенно в случаях

соответствий корнесловов типа *градъ / городъ*, где не было ограничений на генетическое варьирование.

Южнославянским рефлексам *tj, *dj необходимо было пройти этап фонетической адаптации как в восточнославянском, так и в церковнославянском (русской редакции) языках. При этом чётко выявились различия между данными группами рефлексов, обычно рассматриваемых как явления одного порядка. Вследствие ранней ассимиляции южнославянского /ш'т'/ гетерогенные рефлексy *tj в восточнославянском литературном языке вошли в состав генетически неоднородных типов чередования, статус которых определялся прежде всего особенностями содержания средневековой литературы, где преобладала религиозно-философская тематика. Сложность адаптации южнославянского рефлекса *dj определили его вхождение (нередко на правах непродуктивного члена) в генетически смешанный тип чередования, представленного широким кругом образований в памятниках древнерусского и церковнославянского языков. Выбор гетерогенных альтернантов смешанного типа чередования обуславливался целым рядом причин, носящих избирательный, а не запретительный характер, в результате чего возникли морфонологические корреляты. Исконное чередование, существующее наряду со смешанным, характеризовалось генетической чистотой во всех звеньях морфонологической парадигмы и реализовалось в открытом списке корней, что способствовало его дальнейшей продуктивности.

На смену фонетическому этапу адаптации и взаимодействия генетически неоднородных рефлексов приходит морфонологический фактор, определяющий выбор того или иного

по происхождению рефлекса. И в этом случае наблюдаются различия между двумя наиболее представительными группами рефлексов. Независимость реализации полногласных / неполногласных сочетаний от морфонологической позиции, а следовательно, возможность свободной гетерогенной огласовки однокоренных образований, обеспечивали наличие высокой морфонологической дублетности и её семантическую и стилистическую дифференциацию. Для рефлексов *tj* и особенно **dj* морфонологический фактор становится одним из определяющих в их дальнейших взаимоотношениях и способствует приобретению восточнославянскими по происхождению типами чередований формо- и словообразовательной самостоятельности и высокой степени продуктивности, в результате чего восточнославянские по происхождению рефлексы **dj* и **tj* в системных образованиях с полной парадигмой морфонологических чередований встречаются соответственно в 3,4 и 4,9 раза чаще, чем их южнославянские эквиваленты.

Всё это свидетельствует не только о достаточно высоком потенциале «общежительного и переимчивого» русского языка (А. С. Пушкин), но и о его активности как языка заимствующего, обладающего специфическими механизмами переработки и претворения в свою собственность иноязычных элементов, что подтверждает исконность основы, в том числе и литературной страты, характеризующейся в целом тем же соотношением гетерогенных элементов, что и русские народные говоры.

Иначе реализуется указанный «общеславянский элемент» в современном украинском литературном языке, где они представлены генетически однородными типами чередова-

ний с чёткими отношениями системности. Показательно, что наиболее упорядоченными являются взаимосвязанные глагольные образования с полной парадигмой морфонологических чередований. Такой однородности во многом способствует наличие исконных моделей образования отглагольных существительных, в то время как в русском литературном языке широко представлена модель старославянской традиции.

Другим немаловажным обстоятельством сохранения генетической чистоты чередований является свойственная украинскому литературному языку ориентация на свою, а не на чужую систему, что подтверждается последовательным употреблением полногласия и невозможности появления соответствующих коррелятов, как это нередко наблюдается в русском литературном языке, ср.: *огораживать* — *ограждать* (*обгороджувати*), *укорачивать* — *сокращать* (*скорочувати*) и под.

Иными словами, система типов морфонологических чередований с рефлексами праславянских сочетаний подтверждает мысль О. Н. Трубочёва о том, что украинский язык представляет «интереснейшую архаическую периферию всего славянского ареала».

Подобные расхождения в представлении «общеславянского элемента» в двух близкородственных литературных языках позволяют определить специфику становления культурной формы украинского языка, выразившуюся в своеобразной реакции отторжения от русского языка с его восточнославянской традицией ориентации на церковнославянский язык и утверждения своего литературного достоинства в исконном своеобразии.

К этимологии праслав. **grochotъ*

И. В. Васильева

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Этимология, праславянский язык, семантическая реконструкция

Summary. This paper proposes a new etymology for Proto-Slavic **grochotъ*. Regarding it as an onomatopoeic formation, one can easily overlook implications of its earliest sense connected with grain processing. Thus **grochotъ* has ultimately developed from pie. **gher-* 'to rub; to grind'. The paper provides an account for its morphological composition and meaning.

Мнения этимологов по поводу происхождения праслав. **grochotъ* различны, но они сходятся в том, что **grochotъ* видится производным от звукоподражательного слова [Фасмер, I: 462], [SP, 8: 224], [ЭССЯ, 7: 135], [БЕР, I: 285], [Skok, I: 623–624]. Тем не менее представляется оправданным предложить иное, не ономактопозитическое толкование происхождения этого слова и его производящей основы.

Самая многочисленная группа значений праслав. **grochotъ* и его континуантов формируется вокруг громкого звука ('смех', 'грохот'), но особенно важны в связи с этим конкретно-предметные значения:

1. 'камни': болг. *грохотá* 'обвал крупных камней', с.-хорв. *грѡхот*, *грѡхѡт* 'куча камней, лавина', словен. 'крупный песок, щебень' [ЭССЯ, 7: 135];
2. 'приспособление для просеивания, протирания, измельчения': рус. диал. *грѡхот* 'широкая плетеная из дранок корзина с редким дном для просеивания плохого провеянного на гумне зерна', сюда же *грѡхот* 'плетеный корб, в котором носят сено' [ЭССЯ, 7: 136]; 'решето для протирания икры': рус. диал. *грѡхот* м. р. 'редкое решето для протирания икры' [СРНГ, 7: 54]; укр. *грѡхот* 'приспособление для сортировки по величине сыпучих материалов' [SP, 8: 224], рус. спец. *грѡхот* 'устройство или машина для механической сортировки сыпучих материалов по крупности частиц (кусков)' [БСЭ].

Приведенные выше данные позволяют включить **grochotъ* в и.-е. гнездо **gher-* 'тереть'. В словаре Ю. Покорного представлены звукоподражательные корни, омонимичные корням со значениями физического воздействия 'тереть', 'собирает' и др. **ger-* и *gher-*. [Pokorny, I: 383, 390, 439]. Это дает нам основание полагать, что глаголы со значением зву-

ка не были изначально звукоподражательными, ведь звук — это сопровождающий эффект таких действий, как, например, растирания зерна. Ср. англ. *to grind* 'молоть, перемалывать; растирать (в порошок); толочь; размельчать' и *to grind the teeth* 'скрипеть зубами', особенно контекст *The car engine was making a strange grinding sound* [CALD: 633]. Примечательно, что это слово восходит к др. англ. *grindan*, которое тоже является производным от **gher-* 'тереть' [Pokorny, I: 459].

Что касается непосредственно слова **grochotъ*, то в ЭССЯ оно рассматривается как производное от **grochati*, а в Праславянском словаре — от глагола **grochoti*, который в свою очередь считается экспрессивным преобразованием **grochati* [SP, 8: 224]. С этим глаголом соотносится **grošiti*: сербохорв. *грѡшѡти* 'звучать (о голосе)', рус. диал. *грошѡться* 'смеяться', 'хохотать', от него, по всей видимости, образовано рус. диал. *грѡшот* 'большое решето для просеивания зерна и сыпучих материалов' [ЭССЯ, 7: 140]. При анализе морфемного состава глаголов **grochati* и **grošiti* вычленилась общая для них производящая основа **groch-* (если не брать во внимание эффект палатализации). Для раннепраславянского периода можно предложить реконструкции **grōgsātei*, поморфемно **grogšitei*, где *tei* — показатель инфинитива, *ā* и *ī* — вариативные суффиксы, *s* — суффикс, вероятно, аористного происхождения, считающийся экспрессивным (ср. [Berneker, I: 353] и толкование рус. *кромсать* в [Фасмер, II: 389]). Корень представляет собой вариант и. е. корня **gher-* / **ghre-* 'тереть' с расширением *-g-*, параллелью к нему является и.-е. **gherg-* / **ghreg-* 'тереть', представленный в слав. **groza* и лит. *grāžus* [Варбот: 744].

Для определения мотивационной модели необходимо рассмотреть семантические потенции этого глагольного гнезда. К корню *gher- 'тереть' Ю. Покорный относит лат. *furfur* 'кожура, шелуха, отруби', греч. κέρυρος 'просо, пшено; икра', κάυρος 'сушеные ячменные зерна', χέραιος 'галька, гравий', χερμαίος -άδος 'кремень; камень для растирания' [Pokorny: 439], очевидно, в эту группу входит и греч. κευραίων, -όνος 'мастерская, где металл разбивается на крупинки и очищается; зернильня' [Вейсман: 698]. Таким образом, собирательное значение 'камни' у перечисленных выше славянских лексем может быть истолковано на фоне других индоевропейских параллелей как 'результат измельчения'. Значение 'приспособление для просеивания, протирания, измельчения' у *grochotъ, по всей видимости, является первичным. Ж. Ж. Варбот предложила следующую реконструкцию развития семантики корня *gher- 'тереть' на балто-славянской языковой территории: 'процесс обдирки, трения' > 'сотрясение' > 'страх' > 'гроза' [Варбот: 745]. Вероятно, лексемой *grochatī обозначался определенный этап обработки зерна, связанный с тряской и / или растиранием, и в производных от этого глагола акцентировались разные аспекты этого комплексного действия, а также побочные эффекты (звук). Только в болгарском языке и его диалектах у самой глагольной основы первичное сельскохозяйственное значение сохранилось: болг. *gróham, grúham* 'молотить' [ЭССЯ, 7: 134].

Церковнославянская и чешская грамматическая справка XVI в. в контексте европейской гуманистической филологии: Максим Грек и Бенеш Опат *ad comparationem Desiderii Erasmi Roterodami* И. В. Вернер

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Библейские переводы, Максим Грек, Бенеш Опат, Эразм Роттердамский

Summary. The author examines some grammatical innovations in the Church Slavonic and Czech biblical translation from the middle of the 16th century and compares them with Erasmus' corrections of the Vulgate in his translation of the New Testament (1519).

В середине XVI в. наибольшим авторитетом в Pax Slavia обладают две библейские традиции — церковнославянская и чешская. В рамках этих традиций, развивающихся независимо друг от друга, в этот период возникают новые переводы текстов Священного Писания, реализующие идею грамматического нормирования посредством обращения к языку-источнику. В церковнославянской книжности таковыми стали выполненные Максимом Греком в 1518–1525 гг. переводы и исправления Толковой Псалтыри, Следованной Псалтыри, Цветной Триоди. В истории чешской библеистики особое место занимает перевод Нового Завета Бенеша Опата и Петра Гзела, изданный в 1533 г. в моравском Намёшти.

Несмотря на разные культурно-исторические обстоятельства возникновения церковнославянских и чешских переводов, их авторов связывают несколько типологически общих черт. Во-первых, это качественно иной по сравнению с предшествующими книжниками характер образованности: М. Грек, Б. Опат и П. Гзел являются представителями гуманистически образованных славянских филологов XVI в. Во-вторых, для них характерно стремление к максимальной точности перевода библейского текста, что определяет обращение не к старшим авторитетным текстам на соответствующих языках, а к первоисточникам — греческому и латыни, в полном соответствии с лозунгом *ad fontes*, выдвинутым Мартином Лютером. Наконец, последнее и наиболее важное сходство состоит в связи книжного исправления, перевода Священного Писания и грамматики. Новый Завет 1533 г. создается одновременно с первой печатной чешской Грамматикой 1533 г. Б. Опата, П. Гзела и В. Филоматеса и отражает ее влияние. М. Грек закладывает основы всей последующей грамматической справки церковнославянских текстов.

Возникновение рассматриваемых переводов в более широком европейском контексте связано с зарождением научной экзегезы и критики текста Священного Писания в рабо-

Литература

- Berneker E.* Slawisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1908–1913.
- CALD — Cambridge advanced learner's dictionary. Third edition: Cambridge University Press, 2011.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- SP — Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. T. I–VIII. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1974–2001
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. Т. 1–6. София, 1962–2004.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия: В 30 т. М., 1969–1978 [Электронный ресурс: <http://slovari.yandex.ru/>].
- Варбот Ж. Ж.* О загадке красоты грозы // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 744–748.
- Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. М., 1991.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–42). Л., СПб., 1966–2008.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М., 2004.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (Вып. 32–36). Вып. 1–36. М., 1974–2010.

тах итальянских и немецких филологов эпохи гуманизма, среди которых особое место занимает перевод Нового Завета Эразма Роттердамского, впервые изданный в Базеле в 1519 г. Исправленный Эразмом латинский текст был напечатан параллельно с греческим и снабжен обстоятельным комментарием. Этот комментарий содержал своего рода список «общих мест», по которому в европейской гуманистической филологии велась полемика и осуществлялась справка текстов. Славянские переводы, возникшие в рамках разных книжно-письменных и конфессиональных традиций — *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa* — оказываются рефлексивными по отношению к тем локусам грамматики, которые стали объектом внимания Эразма Роттердамского при исправлении текста Вульгаты.

Языковые совпадения в деятельности славянских библейских переводчиков обусловлены либо непосредственным отражением текста-источника, т. е. новозаветного перевода Эразма, использовавшегося чешскими книжниками, либо перенесением на славянскую почву практики перевода с греческого на латынь. Именно на такой опыт, приобретенный еще в Италии, опирался Максим в московский период своей деятельности. Точно так же Эразм в своем переводе Нового Завета исправляет латинский текст Вульгаты, соотнося его с греческим.

Параллелизм в работе славянских книжников демонстрируют следующие грамматические и синтаксические формы:

1. В области именных форм в новых переводах появляются чешский и церковнославянский Тв. п. без предлога на месте иных падежных форм в ранних славянских текстах. В чешском варианте он соответствует беспредложному аблативу у Эразма, тогда как в Вульгате стоит предложно-падежная конструкция. У М. Грека Тв. соответствует беспредложному греческому дативу — эквиваленту латинского аблатива.

2. Релевантной для всех переводчиков является категория определенности, для которой ищутся адекватные в

каждом языке средства выражения. Поскольку в греческом основным таким средством является артикль, то в соответствии с ним Эразм часто ставит местоимение *ille* перед существительными. Так же поступают чешские переводчики, используя чешское *jenž*. М. Грек передает греческие причастия с артиклем и без него с помощью полных и кратких церковнославянских форм.

3. Абсолютным совпадением оказывается перевод возвратного и личных местоимений, связанных с отношениями референтности: вслед за Эразмом славянские книжники ограничивают употребление местоимения «свой» только 3 лицом, заменяя его в 1–2 лицах на личные местоимения «мой, твой, наш, ваш».

4. В соответствии с латынью и греческим у славянских переводчиков грамматикализуются новые формы наклонений — конъюнктив и оптатив. Б. Опат использует чешский конъюнктив для воспроизведения латинского конъюнктива в придаточных предложениях, а М. Грек переводит греческий оптатив с помощью частицы *da*, коррелирующей с латинским *ut* при конъюнктивных формах.

5. Эразм большое внимание уделял синтаксису сложного предложения, в частности, частицам и союзам. По модели Эразма Б. Опат устраняет частицу *že* перед прямой речью. Характерная для языка М. Грека черта — разграничение сравнительного союза *якоже* и изъяснительного *яко* в соответствии с греческими союзами, которые были образцом и для Эразма при различении *quod* и *quia*, *quoniam*.

Таким образом, в первой половине XVI в. и у М. Грека, и у Б. Опата доминирует идея созидания славянской грамматики по образцу классической, при этом используются приемы работы с языком, выработанные в европейской гуманистической филологии. Объединяет названных книжников и «внутрилингвистическая» идеология, т. е. отношение к проблемам нормализации славянского языка вне его сопоставления с классическими. Те локусы грамматики, которые невозможно прямо соотнести с греческим или латынью, часто подпадают под действие искусственно установленных правил (из Грамматики 1533 г. или из «Донатуса» Д. Герасимова). Кроме того, авторами в это время руководит явная установка на сближение литературного языка с разговорным.

Все это вместе придает славянским библейским переводам довольно радикальный с точки зрения их языка характер: они сильно противостоят традиции и вызывают негативную реакцию современников. Репликами на эти тексты станут Псалтырь 1552 г. в переводе М. Грека и Новый Завет в переводе Яна Благослава 1564 г., реализующие иную лингвистическую идеологию.

Рассмотренные временные и идейные совпадения в деятельности церковнославянских и чешских книжников, позволяющие говорить о культурно-языковой типологии *Slavia humanistica*, еще раз подтверждают необходимость межнациональных и наднациональных перспектив в изучении истории славянских литературных языков.

Экономия грамматических средств в древнерусском языке

Е. А. Галинская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Древнерусский язык, грамматические средства, глаголы, будущее время

Summary. When two coordinated verbs denoting actions in the future occurred in an Old Russian sentence, the economy of overt grammatical markers could sometimes occur. There is a number of examples where only the first verb had a perfective prefix, while the second one didn't.

В грамматических описаниях древнерусского языка среди временных форм, как известно, обычно фигурирует так называемое «будущее сложное I» (*начати, хотѣти, имѣти* в презенсе + инфинитив), которое, однако, не было истинным будущим временем, поскольку спрягаемые глаголы не теряли своего лексического значения, так что в языке, скорее всего, были представлены синтаксически свободные словосочетания, лишь контекстуально приобретающие значение будущего времени (см., напр.: [Историческая грамматика русского языка...: 33]). Впрочем, полноценный способ нейтрального обозначения действия, которое состоится после момента речи, в древнерусском языке имелся — для этого служили глаголы совершенного вида, как правило, приставочные перфективы. Ср.: *завѣтра приступлю къ граду и възму городъ* (Киев. лет. по Ипат. сп., л. 107, запись под 1123 г.).

Считается, что будущее время могли свободно выражать и бесприставочные глаголы, не охарактеризованные по виду, так как значение формы презенса (настоящее или будущее время) у них определялось контекстом [Там же: 192]. Ср.: *аже застанеше мене ти а тебе везу* «если застанешь меня, то я тебя повезу» (Тверск. берест. гр. № 2 — посл. 20-летие XIII в.); *Вачеслав же посла моужи | свои къ Изславоу река емоу . аче ти ма оубити сѣну на семь мѣстѣ . а оубиши а на не ѣдоу* (Киевская лет. по Ипат. сп., л. 144–144 об., запись под 1150 г.). Но таких случаев, в отличие от употребления в значении будущего времени приставочных перфективов, в древних текстах совсем немного. Представляется, однако, что количество подобных примеров на самом деле еще меньше, чем кажется на первый взгляд. Обращает на себя внимание то, что в ряде случаев не охарактеризованный по виду бесприставочный глагол передает действие, которое произойдет после момента речи, тогда, когда он стоит после приставочного перфектива и является однородным сказуемым к нему. Ср.:

аще ли кому не люба грамотица си а не поихритаются а тако се рекутъ на далечи пути да на санѣ седла безлѣпциу си молвить (Поуч. Вл. Мономаха по Лавр. сп., л. 78а); *егда повелиши то вспюуть и члѣвки веселатъ тебе* (Там же, л. 79 об.);

и возму землю Ладъскую и мьщю Руськую землю (Пов. врем. лет по Лавр. сп., л. 89 об., запись под 1097 г.);

Олгѣ же прии в оумѣ си рѣ . николиже всладу на нь . ни вижю е боле то (Там же, л. 19 Р, запись под 912 г.);

и приѣхавъ Половчинь оударить и стрѣлюю а лошадь кго поиметь а в село кго ѣхавъ иметь жену кго (Там же, л. 93 об., запись под 1103 г. — примечательно, что в Радзивиловском и Академическом списках в этом месте стоит *вѣхавъ возме*^m);

да оумиримса с вами Грѣкы . да любимъ другъ друга (Пов. врем. лет по Ипат. сп., л. 13, запись под 912 г.);

любо с нимъ миръ створимъ любо са с нимъ бьемъ (Киев. лет. по Ипат. сп., л. 126, запись под. 1147 г.);

а любо соромъ сложаю и земли свои мьщю любо чѣсть свою налѣзу пакъ ли а голову свою сложаю (Там же, л. 137, запись под 1149 г.);

но ажѣ буду живъ . то любо свою голову сложаю . любо себе мьщю (Там же, л. 166, запись под 1152 г.).

Можно считать, что перед нами не чистый случай употребления бесприставочного глагола, а утрата приставки приставочным глаголом совершенного вида, т. е. во втором глаголе просто не выражена перфективация, так как происходит экономия грамматических средств: префиктивирующая приставка первого глагола оказывается достаточной для выражения того, что все упоминаемые действия состоятся после момента речи, и у второго глагола та же или синонимичная ей приставка не повторяется. Показателен в этой связи следующий пример: *аще ли оударить мечемъ . или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ . за то оударение или оубьение да вдасть литръ . е . сребра* (Пов. врем. лет по

Ипат. сп., л. 13 об., запись под 912 г.). По существительному *убиение* видно, что имелся в виду именно глагол *убити*, но приставка у него опущена, так как она уже употреблена в глаголе *оударити*.

То, что здесь действительно может быть представлена экономия грамматических средств, подтверждается наличием схожего явления в славянском языковом мире. Так, в сербском языке допустимо употребление двух возвратных глаголов с одной возвратной морфемой *се*, т.е. грамматическая информация тоже может не дублироваться. Примеры обнаруживаются и в художественной литературе, и в повседневном языке. Ср.: *и сви се повукли у кућу и прикрили* 'и все удалились в дом и спрятались' (Б. Нушич. Автобиография), где употреблен глагол *прикрити се* «скрыться, спрятаться» без возвратной морфемы; *Ma da, koga iz tog radija zanimaju Smederevci... to se vidi i čuje na programu, koga uzgred malo ko i sluša*. «Ну да, кого с этого радио интересуют жители Смедерева... это **видно и слышно** по программе, которую, впрочем, мало кто и слушает (дословно: это видится и слышится)» (пример из Интернета: <http://www.sdcafe.rs/sdradio/utisci.php>), где второй глагол также теряет возвратную морфему.

Еще один тип экономии грамматических средств мы наблюдаем в древнерусском языке при образовании сослагательного наклонения от глагола *быти*. Обычно оно образуется нормально, то есть глагол *быти* употреблен два раза — в форме аориста и в форме причастия на *-л*. Ср.: *аще бы се*

не добро было . *не бы сего князь и боари приади* (Пов. врем. лет по Ипат. сп., л. 44, запись под 988 г.). Бывает, однако, что одна из форм не употребляется, так как, видимо, из двух близких по звучанию форм вторая, не несущая никакого значения, кроме значения бытийности, может легко опускаться. Ср.: *аще бы Бъ любилъ вась* . *то не бысте расточени по чюжимъ землямъ* (Пов. врем. лет по Ипат. сп., л. 33 об., запись под 986 г. — пропущено *были*); *аще бо бы перевозникъ Кию* . *то не бы ходилъ Дрюгороду* (Пов. врем. лет по Лавр. сп., л. 4 — в Троицком списке стоит *бы былъ*). Интересно, что в Ипатьевском списке летописи в том же самом фрагменте от *бы былъ* остается только *быль*: *аще бо былъ перевозникъ Кию* . *то не бы ходилъ къ Дрюгра*^д л. 5. В дальнейшем элемент *бы* в сослагательном наклонении перестал быть формой глагола *быти*, так что сочетания *бы былъ*, *бы были* уже не имели повторяющихся элементов и не упрощались.

Что же касается отсутствия дублирования перфективирующей приставки при обозначении действия, отнесенного к будущему, то это экономное средство, которое, впрочем, было факультативным в древнерусском языке, в дальнейшем полностью утратилось, видимо, в связи с окончательным оформлением видо-временной системы.

Литература

Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

К вопросу о создании словаря языка Епифания Премудрого

А. В. Духанина

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Историческая лексикография, русская писательская лексикография, словарь языка писателя, текстология

Summary. The Russian historical lexicography includes a few dictionaries of certain Old Russian works. It would also be very interesting and advisable to compile the dictionary of an Old Russian writer's language particularly the Epiphany Premudry's one, because the rich lexical material of his works has not been studied properly yet.

Русская писательская лексикография на данный момент представлена значительным числом словарей, посвященных языку многих классиков, начиная с Фонвизина и Державина и заканчивая Высоцким и Шукшиным, в ней реализованы все типы писательских словарей, известные в мировой лексикографии: словари-индексы, конкордансы (полные и неполные), глоссарии, толковые, одноязычные и двуязычные, ономастиконы, частотные, энциклопедические [Фонякова 2002]. Однако в области исторической лексикографии существуют лишь несколько словарей, посвященных отдельным памятникам [Творогов 1962]; [Виноградова 1965–1984]; [Лексика и фразеология... 1981]. Язык же конкретного книжника до сих пор не оказывался в поле зрения лексикографов.

Опирающиеся на большое число источников общие словари (Словарь Срезневского, Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв., СлРЯ XI–XVII вв. и др.), охватывая значительный временной интервал, не позволяют составить представление о языке какого-то определенного узкого периода времени и тем более о языке отдельного книжника. Между тем такого рода синхронный срез развития языка был бы интересен, так как позволил бы более полно представить характер его функционирования и развития. Словарь языка одного книжника дает возможность не только показать состав использованной им лексики, но и понять принципы отбора лексического материала в связи с жанром и авторскими интенциями и в конечном счете помогает составить представление о языке эпохи в его преломлении у данного автора.

Одним из древнерусских книжников, сочинения которых могут и должны послужить основой для создания такого словаря, является Епифаний Премудрый, перу которого принадлежат жития Стефана Пермского (ЖСП) и Сергия Радонежского (ЖСР), а также Похвальное слово Сергию Радонежскому (ПС). Кроме того, Епифанию надежно атрибутируют отрывок из «Послания иеромонаха Епифания,

писавшаго к некоему другу своему Кириллу» [Словарь книжников...: 214–215]. Таким образом, в основу словаря будут положены несколько текстов (в том числе такие крупные, как ЖСП и ЖСР), содержащие обширный лексический материал, включающий также варианты чтения из разных списков, так как ни одно из указанных сочинений не сохранилось в оригинале.

Сочинения Епифания Премудрого исключительно интересны и в то же время недостаточно изучены в лексикологическом отношении, что можно рассматривать как важный аргумент в пользу создания словаря его языка. Они отличаются поразительным богатством и разнообразием лексического материала, включающего слова из разных пластов, в том числе много конкретно-бытовой лексики, синонимы и однокоренные слова, а также сложные слова, представляющие собой, по-видимому, кальки с греческого, грецизмы [Лихачев 1967]; [Иванова 1986]; [Колесов 1989: 188–215] и др. Многие слова или отдельные значения слов известны нам только из этих памятников (так, М. В. Иванова насчитывает в Словаре Срезневского 152 слова, фиксируемых лишь по ЖСП, и 100 слов, одно из значений которых определяется по контексту только ЖСП [Иванова 1986: 98], причем часть этих слов не встречается в других древнерусских текстах и по данным СлРЯ XI–XVII вв.; такие слова есть также в ЖСР (*гладостный, пелесоватый, пустыница, ручица* 'уменьш. к рука'; *ангеловидный, вседерзый, книговичение, пустынножительство; канонархати* и др.), в ПС (*возгласник; доблестовнѣ; благопробывательный, радостотворець* и др.) и даже в Послании Кириллу (*накартати, обгадывати, околостолние, претружение* и др.).

При этом отражение лексического материала епифаниевских сочинений в существующих исторических словарях характеризуется целым рядом недостатков. Лексика ЖСП, которое привлекается как источник во всех исторических словарях русского языка, представлена в них неполно. От-

части это объясняется текстологией: так, и в Словаре Срезневского, и в СлРЯ XI–XVII вв. используется издание Епископа, содержащего целый ряд вторичных чтений (ГИМ. Сп. 91), в результате чего некоторые слова, имевшиеся в исходном тексте жития, в эти словари не вошли (*воздержальный, малоразумный, прокрадывается, спасабляти* и др.) и, наоборот, оказались включены некоторые явно вторичные лексемы (*опохваляются, очаровный, прекрадыватися* и др.) и даже ошибки издания (*пошибати* ‘побить’). Отсутствие некоторых других слов можно объяснить только выборочной росписью лексики: это, в частности, такие слова, как *ельнягъ, окончивати, отземствование, плескъ, рыданный*, которых нет в Словаре Срезневского, *вослускаати, новоученый, славословесникъ*, не вошедшие ни в Словарь Срезневского, ни в СлРЯ XI–XVII вв. Епифаниевская редакция ЖСР, ПС и Послание Кириллу не применяются в качестве источников в Словаре Срезневского, в результате чего их уникальная лексика в нем отсутствует, а в СлРЯ XI–XVII вв. она отражена с разного рода ошибками и не полностью. Например, вместо используемого Епифанием в ЖСР существительного *бурява* (очевидно, ‘ткань коричневого цвета’) помещено прилагательное *бурявий* ‘коричневатый, рыжеватый’; отсутствуют слова из ЖСР *великодатель, проверещати* и др. и слова из ПС *всползновение* и *предуготовляти*; указывается, что контекст из ПС, иллюстрирующий глагол *осиявати* ‘освещать, озарять сиянием’, взят из ЖСП; в некоторых случаях вместо ПС в качестве источника цитаты называется ЖСР, так как она берется из изданий, в которых

ПС следует за ЖСР (см. слова *добросердый, истрѣзѣвние, подбострастный, похищникъ* и др.) и т. д.

Представляется, что только полный словарь языка Епифания Премудрого может стать инструментом, позволяющим комплексно подойти к проблеме исследования лексического материала его сочинений, что значительно расширит наши знания об истории русского языка.

Литература

- Виноградова В. Л. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1–6. М.; Л., 1965–1984.
- Иванова М. В. Лексика «Жития Стефана Пермского», написанного Епифанием Премудрым. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
- Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988–.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. А–К. Л., 1988.
- Словарь Срезневского — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб., 1893–1912 (переиздание: М., 1958).
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1. М., 1975–.
- Творогов О. В. Словарь-комментарий к «Повести временных лет». Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1962.
- Фонякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология. М., 2002.

Плюсквамперфект в староукраинском книжном языке XVII–XVIII вв. в сравнении с памятниками XVI в.

Т. С. Жукова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Староукраинский язык, плюсквамперфект, украинская литература XVII–XVIII вв.

Summary. The report examines specific features of pluperfect usage in Ukrainian literary texts of XVII–XVIII century.

Плюсквамперфект (или давнопрошедшее время, глагольная форма типа «*был + -л*») — это достаточно редкая, но вместе с тем живая используемая форма в староукраинском книжном языке XVI–XVIII вв.

Если в украинских письменных памятниках XV–XVI вв. плюсквамперфект функционирует как полноправная глагольная форма (хотя уже в Пересопницком Евангелии 1556–1561 гг. наблюдаются некоторые различия между отдельными частями — к примеру, в Евангелии от Луки, переведенном ближе к народному языку, форм давнопрошедшего значительно больше, чем в остальных частях; здесь же сосредоточено наибольшее количество форм со значением отмененного прошедшего), то употребление плюсквамперфекта в текстах XVII–XVIII вв. очень неравномерно и отчетливо различается в зависимости от регионального происхождения текста, степени близости его к диалектам, своеобразия стиля, жанра и др. Можно сказать, что эта особенность сохраняется в украинском языке вплоть до настоящего времени, причем наибольшим разнообразием и распространенностью форм плюсквамперфекта отличаются тексты, максимально приближенные к диалектам.

Плюсквамперфект служит для выражения результативного, «смещенно-перфектного» значения, значения прерванного или отмененного действия, а также обычного действия в давнем прошлом (подробнее об этом см. [Петрухин, Сичинава 2006]; [Шевелева 2007]).

Украинская литература среднего периода (XV–XVIII вв.) весьма неоднородна и разнообразна по своему составу и языку. Литературные произведения XVII–XVIII вв. (поэтическая и ораторская проза, «казацкие» летописи, стихотворные рассказы, интермедии и др.) содержат ряд интересных примеров. Анализ их позволяет расширить и дополнить исследование истории плюсквамперфекта в украинском языке.

Большинство форм так или иначе входят в круг антирезультативных значений (отмененное, прерванное действие, аннулированный результат) — от непосредственного противопоставления, как-то:

- *Адам Адамович Вейд, енерал, з своими полками одержался бил, але и тот мусть ся здати...* (Летопись Самовидца) — отмененное действие;
- *Марко хотив був вже втикати, коли ось сам люципер нагодився...* (Марко Пекельный) — прерванное действие;
- *Не вспоминаю, як грека Никифора, который там был прибыл, коли власти уряду своего протосингелского заживал, арестовано* (Апокрисис) — аннулированный результат; —

до контекстов, где не только нет явного противопоставления, но и о том, что результат действия не был сохранен, можно догадаться только по употреблению плюсквамперфекта или из широкого контекста. Такие примеры наиболее употребительны:

- *Звык был от предков своих отдавати, што належало Богу, и што належало пану, тепер юж в тоє жадным способом гаразд потрафити не может...* (Г. Смотрицкий);
- *Пишут историкове о Помпеюшу великим: той так велце себѣ важил цѣлость отчизны, же за ню живот свой и здохове свое в великіе морскіе подал был небезпеченства...* (А. Радивиловский);
- *Орав, сѣвав, волочив, терпѣв и негоду, уже ж изійшло було и зазеленѣло так гречи, що и іочам дивитися мило!* (интермедия к драме «Воскресение мертвых» Г. Коньского);

К этой же группе (антирезультативные значения) можно отнести специфические контексты, где речь идет о людях,

которых уже нет в живых, а также описываются действия, реально не осуществленные:

- *Доброго любил, злого зась звыкл был карати* (К. Сакович, «На погребение П. К. Сагайдачного...»);
- *Не оному ли то к воли папѣ, который малого папешка был уродил...* (Г. Смотрицкий).

Следующий пример можно рассматривать как выражение значения давнопрошедшего. Это значение встречается в чистом виде довольно редко.

- *За чим православие наше почало было просиавати, яко солнце. Люде учоные почали были в церкви Божией показоватися: учителей и строителей церкви Божией книги друкованые почали множитися* (Пересторога).

«Смещенно-перфектное» значение представлено лишь отдельными примерами:

- *Сам Христос укрьвил мя был, егда хотеша зѣвріе римскіи главу мою оголити от власов, и браду и уса — да хожду, яко покуса* (М. Андрелла, зарпатский священник, автор полемических сочинений);
- *У пятницю увечери наившия кваши, да с своєю Педорою тѣз був спаты в поддашии, ажно той дѣд покойник пришившия да каже...* (Сатирический вирш 1786 г., содер-

жащий, кроме того, много западноукраинских диалектных особенностей).

Отметим, что в Пересопницком Евангелии прослеживаются также все типы значений плюсквамперфекта, но при этом преобладающим значением является «смещенно-перфектное», в меньшей степени распространено значение отмененного действия и, наконец, значение давнопрошедшего представлено единичными примерами (см. также: [Жукова, Шевелева 2010]). В числе вероятных причин различий в употреблении данной формы можно назвать книжный / диалектный, переводной / оригинальный характер текстов, постепенное смещение значения плюсквамперфекта — от результативного к «отмененному» действию в прошлом.

Литература

Жукова Т. С., Шевелева М. Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Вопросы русского языкознания. Выпуск 13. М., 2010. С. 171–191.

Петрухин П. В., Сичинава Д. В. Русский плюсквамперфект в типологической перспективе // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193–214.

Шевелева М. Н. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14).

Стилистика антиеретических посланий Геннадия Новгородского в контексте истории русской публицистики

О. В. Зуева

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Послание, полемика, средневековая Русь, стилистический прием

Summary. The letters of Archbishop Gennady against heretics are important source for the study of medieval Russian «prepublicistic» style. These texts provide the material on the methods of persuasion common in the written communication of the XV century: contraposition, gradation, the arguments of different types, etc. The texts contain stylistic features of the epistolary genre, reflect the medieval Russian etiquette of communication.

Одной из распространенных форм ведения полемики в средневековой Руси была переписка (см. послания Иосифа Волоцкого князьям в защиту церковного землевладения, антилатинские сочинения Максима Грека, адресованные Федору Карпову, знаменитый диалог Ивана IV с Андреем Курбским и др.). Послания архиепископа Геннадия Новгородского, посвященные борьбе с возникшей во второй половине XV в. ересью жидовствующих, являются ярким примером текстов, которые создавались для межличностного общения, но стали культурно значимыми — об этом свидетельствует их хождение в списках XV–XVI вв. В XIX–XX вв. послания издавались, например: [Памятники древнерусского канонического права 1880], [Казакова, Лурье 1955] (далее цитаты приводятся по названным изданиям).

Среди адресатов Геннадия — великий князь Иван III, архиепископ Иоасаф, епископы Нифонт и Прохор, митрополит Зосима и другие лица. Цель создания посланий — убедить получателей в необходимости жестокой расправы над еретиками: *только того для учинити собор, что их казнити — жечи да вешати* (собору епископов, 1490). Адресанту не нужно объяснять адресатам зло самого явления еретичества, он обращается к своим сторонникам, желая, чтобы те разделили его стремление к суровой казни вероотступников. Для достижения своей цели Геннадий использует набор ораторских приемов и средств воздействия на адресата, повторяющийся из письма в письмо — таким же образом в разных письмах повторяются целые фрагменты, в том числе пространные лексически. К основным приемам относятся следующие:

1. Противопоставление — базовый принцип построения речей Геннадия. Оппозиция «мы — еретики», центральная в посланиях, на языковом уровне реализуется по-разному: активным употреблением местоимений *мы, наши: однаво будут еретици у нас украли лет! образу господа нашего ... наругулися!* и т. п. (еп. Прохору Сарскому, 1487); лексической

антонимией и синтаксическим параллелизмом: *...и кто будет верою огражден и в православии христианства крепок, и они того таятся... аще ли кто слаб и лености и удобь к греховному игу прекланяем, сего они, яко слаба, отступника вере показывают* (там же); противительными конструкциями типа *то... еретиком... будет дрзость, а христианству будет спона велика...* (бывшему архиеп. Иоасафу, 1489).

2. Градация: *прелесть здесь распростерлася не токмо в градах, но и по селом* (еп. Прохору Сарскому, 1487) и др. Речь усиливают плеонастические высказывания типа *безстудно и усердно кленутся, и проклинают вся тако мудрствующаа или мудрствовавших и ротятся бези страха...* (там же).

3. Аргументация «к пафосу» — апелляция к чувствам адресата. Геннадий использует популярный в церковных посланиях прием сравнения современной исторической ситуации с сюжетами периода раннего христианства; очевидно, включаясь в единое историческое время, адресат должен был проникнуться значимостью инициируемого адресантом противостояния, ср.: *...чтоб государь прадеда своего великаго князя Владимира веру подтвердил* (еп. Прохору Сарскому, 1487; ср. аналогичные фрагменты в послании Василия Рыло на Угру, 1480, и других пастырских воодушевляющих обращениях). Геннадий взывает к гордости читателя, употребляя устойчивые просительные формулы типа *а ныне разговорити того некому государю великому князю, развее тебя, господина отца нашего, съ Божією помощію* (митр. Зосиме, 1490); вспоминает известную древнерусскую поговорку, комментируя риторический вопрос: *...а то какова нечесть учинена? Отъ Бога грехъ, а отъ людей соромъ* (собору епископов, 1490). Как средство эмоционального воздействия выступает оценочная лексика, активно употребляемая по отношению к еретикам: *то лихо в земли...; приближаея ихъ скверней молитве; а ныне беда състала...* и т. п. (все примеры из послания митр. Зосиме, 1490). Уче-

ние еретиков — это *прелесть, нападание, наругание, хула, злоба*; сами еретики — *иконоборьца, покрыты клятвенною укоризною, жидовьска мудрствующи* и т. д.

4. Аргументация «к логосу» — апелляция к разуму адресата. Архиепископ прибегает к деловым формулам, указывая на то, что розыск еретиков — государственная задача: *государь приказал обыскати того накрепко* — послание Иоасафу, 1489). Геннадий вводит в письма метатекстовые обороты, призванные побудить читателя принять авторских рассуждений: *сам болиши ведаеш...*; *не невели, что...* и подобные.

5. Аргументация «к вере» — цитирование религиозных источников. Способы включения цитат в тексты типичны для средневековой книжности: *и яз нашел в писани...*, *да и Енох праведный писал сице...*, *яко же о них писано...*, *яко же Соломон рекл...*; послания Геннадия, как и многие памятники старорусской книжности, отражают абсолютный авторитет письменного слова.

6. Антиэстетизация речи — адресант либо намеренно, либо интуитивно снижает стиль речи, используя просторечные и бранные выражения: *да на литургии деи за престолом плясал да и кресту ся наругал...* (митр. Зосиме, 1490); *коли щепляет иконы, рьжеть...* (Собору епископов, 1490); Отметим, что тип языка всех проанализированных посланий Геннадия — гибридный церковнославянский (обычный для официальной переписки духовных лиц в XV–XVII вв.).

7. Соблюдение жанрово-композиционных канонов письма. Геннадий строго придерживается эпистолярной формы, в его текстах обнаруживаются смысловые блоки и речевые формулы, соответствующие служебной переписке духовных лиц (поэтому нельзя рассматривать прием диалогиза-

ции как стилиобразующий: это признак любого эпистолярного текста). Однако Геннадий наполняет эпистолярные «общие места» неэтикетным актуальным для него содержанием, привлекая тем самым внимание адресата. Например, в двух письмах блок «мотивация своего письма» реализует устойчивый мотив «для пользы», который связывается автором с борьбой и поиском соратников: *ползы бо ради сия писах тебе, поминаа рекшаго: друг другом подкрепляем яко град тверд* (бывш. архиеп. Иоасафу, 1489); *того ради есмь вспомянулъ, еже самъ не невели: что бы имъ была отъ нашего молчанія полза?* (митр. Зосиме, 1490).

Анализ стилистических особенностей антиеретических посланий Геннадия Новгородского показал, что прямой призыв (перформатив *с умилением прошу*; императив *яко да подщателне о сем подвиг покажеш*; оптатив *а ты бы о том накрепко постоял*) занимает крайне незначительное место в его текстах. Убеждая адресанта в необходимости наказания еретиков, архиепископ преимущественно информирует о бесчинствах еретиков, рассуждает о перспективах распространения лжеучений, последовательно реализуя оппозицию «мы — они», при этом лексические характеристики «православного христианства» оказываются гораздо менее красочными, чем характеристики еретиков. Этикетность средневекового общения отражается в обилии устойчивых формул, сохранении эпистолярных схем, «дополнении» пафосом публицистической речи жанрового эпистолярного канона.

Литература

Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.
Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.

Контактная лингвистика и история чешского литературного языка: к постановке проблемы

А. А. Индыченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Языковые контакты, рецепция литературного языка, специфика народного и литературного языков, чешский язык как надэтнический, генетическое родство

Summary. The perspectives of the possible synthesis of the studies of linguistic contacts and the studies of functional specificity of the literary languages are observed in our report in the field of the history of the Czech language.

Как известно, на возможность рассмотрения контактов между языками (первоначально — «смешения языков») как источника языковых изменений указал еще Г. Шухардт в полемике с традицией А. Шлейхера. Однако лингвистическая контактология как научная дисциплина сформировалась за последние 50–60 лет. К настоящему моменту в этой области накоплен значительный материал; в рамках указанного подхода к истории языка существуют различные подходы (ср. обзор имеющихся теорий в [Thomason, Kaufman 1988: 13–34]). Общеизвестно, что «классическая» контактология исследовала преимущественно контакты между естественными языками. В позднейших работах ситуация изменилась мало. Однако рецепция **литературного языка**, функционирующего за пределами сферы своего возникновения, также может быть рассмотрена как пример языкового контакта. В этой связи довольно примечательной представляется судьба чешского литературного языка.

Как известно, уже в XIV в. чешский литературный язык начинает проникать в письменность соседних этносов. Впоследствии влияние литературного чешского языка на письменный узус соседних регионов усиливается. XV–XVI вв. обычно рассматриваются как эпоха активного функционирования чешского литературного языка как надэтнического. В частности, чешский язык используется как литературный в Восточной Моравии, Западной Словакии, Польше. Естественно, что при этом в литературный язык проникают элементы местной речи каждой из указанных областей. Однако в каждом из регионов рецепция чешского литературного языка была, по-видимому, различной. В Восточной Мора-

вии, несмотря на то, что первоначально элементы местного говора проникали в письменные тексты, в силу исторических причин не сложилось особого идиома, который мог дать начало новой письменной традиции, и произошел возврат к «классическому» варианту чешского литературного языка. В Западной Словакии, напротив, подобный идиом возникает, что исключительно важно для истории словацкого литературного языка. В Польше же уже в начале XVI века произошло вытеснение чешского литературного языка польским, возникшим на собственной диалектной основе.

Традиции изучения указанной проблематики были заложены еще Б. Гавранеком, чье исследование проблемы чешского влияния на близкородственные языки основывалось на идеях Н. С. Трубецкого о функциональной специфике народного и литературного языков и их взаимодействии. Многие частные вопросы чешско-польского языкового взаимодействия были исследованы польскими лингвистами; значительное количество работ о чешско-словацких языковых связях имеется в словацкой лингвистической традиции (ср. критический обзор мнений по проблеме, а также публикаций, изданных до 1968 г., в [Mašćerek, Rejnuš 1961: 163–166]; некоторые новые публикации указываются в [Šlosar, Večerka, Dvořák, Malčík 2009] в библиографии к соответствующим главам). Однако до сих пор не существует общего, синтетического подхода к указанным явлениям: речь может идти лишь о более или менее разнообразном диапазоне мнений по данному вопросу. В этой связи нам представляется особенно плодотворным соединить достижения традиционной славистики (в первую очередь — достижения в области

исследования славянских литературных языков и их функционирования — традиция Пражской школы, — а также достижения современной палеославистики в области исследования церковнославянского языка) с положениями современной контактной лингвистики. Применение методического инструментария, выработанного контактологией, может в значительной степени способствовать исследованию механизмов функционирования чешского литературного языка как надэтнического. Тем более что правомерность рассмотрения последствий контакта двух литературных языков и / или литературного языка и местных диалектов — наряду с исследованием последствий контакта двух или более естественных языков — вполне осознана в работах, написанных в рамках традиционной контактологии. Думается, что указанный подход поможет скорректировать некоторые положения контактологии, ориентированной в первую очередь на изучение контактов между естественными языками. В частности, по отношению к воздействию престижного литературного языка на язык-реципиент контактологи указывают на возможность влияния в области синтаксиса (в противоположность контакту двух естественных языков, где также возможна перестройка фонологической системы), но замечают, что примеры подобного влияния в области морфологии отсутствуют [Thomason, Kaufman 1988: 66]. Однако даже широко известные факты истории рецепции церковнославянской письменной традиции на русской почве убеждают в обратном. Думается, что указанное противо-

речие может быть разрешено при внимательном учете специфики и истории функционирования того или иного литературного языка в данном ареале (что, кстати, предполагает и неоднократно выдвигавшееся требование пристального внимания к особенностям социолингвистической ситуации при исследовании языкового контакта). Также необходимо принимать во внимание возможность не только и не столько типологического, но и генетического родства (и даже близости) литературного и народного языков. Нам представляется, что именно в этой связи особенно показательный материал дает история чешского литературного языка: его функционирование как надэтнического было обусловлено как близостью к народным говорам соответствующих славянских областей, так и его высоким престижем. Синтетический подход к исследованию функционирования чешского языка как надэтнического будет способствовать как расширению наших познаний об истории славянских литературных языков, так и расширению горизонтов традиционной контактологии.

Литература

- Macûrek J.: *Rejnuš M. K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století // Slovanské historické studie. IV. 1961. С. 163–261.*
 Šlosar D., Večerka R., Dvořák J., Malčík P. *Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Brno, 2009.*
 Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkley; Los Angeles; London. 1988.*

Отыменные прилагательные в XVIII–XIX вв.: орфография и словообразование

В. В. Каверина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

История русского письма, орфография, словообразование, кодификация

Summary. The report focuses on the orthography of Russian noun-based adjectives in relation to semantics and word-formation. The material is taken from “Vedomosti”, “Sankt-Peterburgskie Vedomosti”, “Moskovskie Vedomosti”, legal records, grammars and dictionaries of XVIII–XIX cc.

Правописание прилагательных рассмотрено на материале «Ведомостей», «Санктпетбургских ведомостей», «Московских ведомостей», памятников деловой письменности, грамматических сочинений и словарей XVIII–XIX вв.

1. Отыменные прилагательные с *ни* на стыке морфем и в адъективном суффиксе *-ени-* пишутся очень стабильно (напр.: *огненные, конныхъ, родственныхъ, государственный, раннему, пространные, законныи, военная, гварнизонные, писменные, иностраннымъ, драгоценныхъ, наследственных, истинного, коронные*).

К данной группе следует причислить и прилагательное «лосинный», которое вполне обоснованно пишется с двумя *н* (напр.: *лосинного, лосинное*), поскольку мотивировано словом «лосина» («выдѣланная лосья кожа»): «Лосинный, ая, ое, пр. Сдѣланный изъ лосины. Лосинныя рукавицы» [Словарь 1847, II: 264; Словарь 1867–1868, II: 553]. Влиянием этой модели, вероятно, можно объяснить ошибочное написание (*штановъ*) *козлиныхъ*, которое, несмотря на наличие слова «козлиная» («козловая кожа»), не зафиксировано в словарях, вероятно потому, что «козлиный» определяется здесь как «принадлежащий козлу» (*козлиная борода*), а о сорте кожи говорят «козловая» [Словарь 1847, II: 186; Словарь 1867–1868, II: 387]. Возможно, аналогичные причины лежат в основе ошибки *кожаныхъ*, которая также не получила отражения в словарях, где кодифицировано написание *кожаный* [Словарь 1847, II: 185; Словарь 1867–1868, II: 385].

2. В группе прилагательных, обозначающих «сделанный из того, что названо этим словом», регулярно пишется с двумя *н* суффикс *-яни-*, в первую очередь в слове «деревянный» (напр.: *деревянную посуду, деревянные доски, деревянное масло, деревянныхъ ковшей, деревянной казармы, деревянныхъ домовъ*). Такую орфографию значительно позднее фиксируют Академические словари [Словарь 1847, I:

318; Словарь 1867–1868, I: 663]. По словам Я. К. Грота, с 1830-х годов двойное *н* остается «чуть ли не только в двухъ приведенныхъ словахъ» — *деревянный, оловянный* [Грот 1876: 255]. Третье исключение из современного правила — *стеклянный* — в данной работе находим в общем правиле с одной *н*. Ранее Академические словари и Н. И. Греч фиксируют именно такое написание — *Стекланный* [САР 1789–1794, V: 721; Словарь 1847, IV: 224; Словарь 1867–1868, IV: 468; Греч 1834: 465]. В «Русском правописании» 1885 г. правило повторяется без изменений [Грот 1885: 68], однако в более поздних изданиях работы слово *стеклянный* попадает в список исключений [Грот 1891: 73]. Только такие написание обнаружены в ведомостях еще в 1840-е гг. (напр.: *оловянная пуговки, оловянный гирь; стеклянная посуда, стеклянными ширмами, стеклянная пронизки*).

3. Другие прилагательные с суффиксами *-ан- / -ян-* обычно не удваивают *н* (напр.: *льняныхъ пряжь, кожанья ведра, земляную плотину, глиняномъ сосудѣ, шерстяное сукно, конопляное, льняное сѣмя, ржаной муки, овсяныхъ крупъ*). Ошибка *конопляннаго*, возможно, объясняется аналогией с соседним прилагательным в контексте: «*деревяннаго и конопляннаго масла*». Кроме того, в безударном положении отмечаются случаи употребления суффикса *-ен-* в том же значении (напр.: *масленыхъ анбаровъ, маслеными красками, юфтеня*), первое из которых зафиксировано изданиями Академического словаря: «*Масленый, ая, ое, — нь, а, о, пр. 1) Состоящий изъ масла. Масленое вещество. 2) Приправленный масломъ. Масленая каша. 3) Употребляемый для держанія масла. Масленый боченокъ. 4) На маслѣ растертый. Масленая краска. 5) Запачканный масломъ. Масленья руки. Масленый передникъ. — Масленые глаза, зн. глаза, выражающие внутренній жарь. — Масленый рядѣ, зн. лавки, гдѣ торгуютъ масломъ» [Словарь 1847, II: 120; Словарь 1867–1868, II: 249]. Напротив, второе прилагательное в словарях пишется через *я*: «*Юфтяный, ая, ое, пр. 1) Сдѣ-**

варях пишется через *я*: «Юфтяный, ая, ое, пр. 1) Сдѣланный изъ юфти. Юфтяные подошвы. 2) Относящийся къ юфти. Юфтяный заводъ. Юфтяный переплетъ книги» [Словарь 1847, IV: 477; Словарь 1867–1868, IV: 1005]. Очевидно, что написание *масленый* поддержано существованием соответствующего причастия, зафиксированного в словарях с двумя *н*: «Масленный, ая, ое, — нъ, а, о, прич. стр. гл. маслить» [Словарь 1847, II: 120; Словарь 1867–1868, II: 76]. Такой же характер, вероятно, носит написание *замшеня кожи* 1843.2 СПб, зафиксированное в изданиях Академического словаря: «Замшенный, ая, ое, пр. Сдѣланный изъ замши. Замшеня перчатки [Словарь 1847, II: 37; Словарь 1867–1868, II: 249], а также в словаре Даля 1880 — 1882 гг.: «Замшенный мастеръ, заводъ, выдѣлывающей замшу» [Даль 1998, I: 606].

4. Слово «серебряный» пишется обычно с одной *н*, однако в нем варьируется гласная суффикса. В XVIII в. здесь стабильно пишут *-ен-*, исключения очень редки (*серебренныи, серебряною монетою*). Написание *Серебряный* фиксирует Словарь Академии Российской, а вариант *Серебряный* дает с пометой «по Сл.» [САР 1789–1794, V: 433] — «по-славянски». Однако в начале 1810-х годов усиливается вариативность, затрагивающая как гласные, так и согласные суффикса, даже в пределах одного номера (напр.: *серебренныя ложки — серебряной монетою — серебряныя ризы*). Наконец к 1850-м годам в узусе побеждает написание *серебряный*. Вместе с тем издания Академического словаря 1847 и 1867–1868 гг. по-прежнему кодифицируют варианты: «Серебряный, ая, ое, пр. Тоже, что серебряный» [Словарь 1847, IV: 120; Словарь 1867–1868, IV: 250]. В словарях представлены две словарные статьи *Серебряный*: одна посвящена прилагательному, а другая — причастию [Словарь 1847, IV: 120; Словарь 1867–1868, IV: 249], причем, в отличие от оппозиции *масленый — масленный*, и в прилагательном, и в причасти *серебренный* пишется одна *н*.

5. Правописание отыменных прилагательных кодифицировано поздно. Н. И. Греч рекомендует отличать отымен-

ные прилагательные с суффиксами *-ан- / -ян-* от причастий, имеющих на конце *-енный*: *серебряный — серебрянный, посеребренный* [Греч 1834: 465]. О значении отыменных прилагательных с суффиксами *-ан- / -ян-* пишет А. Х. Востоков: «Окончания яный, яной, янный, означаютъ собственно вещество, из которого что-либо состоитъ, например: масло — масляный, вода — водяной, кожа — кожаный, волос — волосной, дерево — деревянный и проч.» [Востоков 1835: 64]. Оппозиции *ветренный — ветряный, масленый — масляный* приводит и обосновывает Я. К. Грот [Грот 1876: 255].

Литература

- Востоков 1835 — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики пользе изложенная. СПб., 1835.
- Греч 1834 — Практическая русская грамматика изданная Николаемъ Гречемъ. — СПб., 1834.
- Грот 1876 — Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго доннынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота // Филологическіе разысканія. Т. 2. СПб., 1876.
- Грот 1885 — Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я. К. Гротомъ. СПб., 1885.
- Грот 1891 — Русское правописание. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ Я. К. Гротомъ. 9-е изд. СПб., 1891.
- Даль 1998 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусскаго языка: В 4 т. Т. 1: А–З. М., 1998.
- ПМ XVIII — Памятники московской деловой письменности XVIII века / Изд. подгот. А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1981.
- САР 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. М., 1789–1794.
- Словарь 1847 — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ: В 4 т. СПб., 1847.
- Словарь 1867–1868 — Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. 2-е изд.: В 4 т. СПб., 1867–1868.

«Книга св. Августина» и ее протограф «белорусского письма»

В. В. Калугин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

«Белорусский» протограф, сослагательное наклонение, бымъ, «книжная справа»

Summary. The oldest Russian copies of “The Book of St. Augustine” date from the 80-th years of 17th century. All of them go back to the same original manuscript created before the reform of patriarch Nikon in 1654. This original manuscript was a book in “Byelorussian writing” which is mentioned by Karion Istomin in 1687. The complex of data (“Byelorussian writing”, Polonism *бытъ* instead of *бухъ* etc) indicates that the «The Book of St. Augustine» was in use in Lithuanian Rus. It got there thanks to Andrey Kurbski after his escape from Russia in 1564.

В 80-е гг. XVII в. К. Истомин составил две редакции «Боговидной любви» на основе «Августина учителя книги “О видении Христа”». Более ста лет из одного исследования в другое переходит ошибочное мнение, что «Боговидная любовь» — перевод с латыни Истомина. Однако сам писатель честно признавался в том, что использовал готовую книгу. В предисловии к Нарышкинской редакции (1682) он отозвался о своем источнике весьма неопределенно, отметив только, что разыскать его было непросто: «...вели(м) трудо(м) снискахъ...» [БАН, П I А 72: 30б.]. В предисловии к Софийской редакции (1687) он сообщил важные подробности о книге: «...обрѣто(х) на бѣлорускомъ писмѣ, славенскимъ діалекто(м) преведену и писанну. юже славенскими буквы написахъ...» [РГАДА, ф. 196, № 645: 80б.]. На самом деле, «Боговидная любовь» есть не что иное, как точная копия «О видении Христа» из «Книги св. Августина» (далее: КСА) — старого перевода, бывшего у князя А. Курбского еще в 1564 г.

Истомин четко различает церковнославянский язык перевода («славенский диалект») и «белорусское письмо» бывшего у него списка. Белорусские и украинские почерки XVI–XVII вв. заметно отличаются от московских. Региональные отличия существуют в полууставе, но они проявились

особенно резко и отчетливо в скорописи (и в самой технике письма, и в начертаниях букв). Вероятно, у Истомина был скорописный экземпляр. Сам он замечает, что переписал его «славенскими буквами». Говоря так, Истомин противопоставляет книжный «славенский» полуустав деловой «белорусской» скорописи. Полууставом с элементами скорописи написаны беловые списки «Боговидной любви», принадлежавшие Истомину [РГАДА, ф. 196, № 645; ГИМ, Чуд–291].

Сообщение Истомина о редкой, с большим трудом найденной книге «белорусского письма» подтверждают языковые данные. В КСА сослагательное наклонение в форме 1 л. ед. ч. образуется старым способом: сочетанием «элевого» причастия и аориста *быхъ*. Наряду с этим, пять раз сослагательное наклонение имеет в своем составе не *быхъ*, а *бымъ* в форме 1 л. ед. ч. [ГИМ, Чуд–216: 520б., 930б., 1290б., 1530б.].

Бымъ на месте старославянской формы *бимъ* встречается в некоторых списках XI (или 2-й пол. XI) в., созданных на юге Киевской Руси, например: в сборнике 13 слов Григория Богослова и «Пандектах» Антиоха Черногорца. Однако в КСА *бымъ* — полонизм. Сослагательное наклонение с *бумъ* старого *бухъ* в форме 1 л. ед. ч. появилось в польском языке в конце XV — начале XVI в. и постепенно утверди-

лось в книжной норме. В XVI в. образования с *бымь* стали распространяться в Литовской Руси, в «простой мове» и церковнославянском языке, особенно в переводах с польского.

М. Смотрицкий первым из грамматистов кодифицировал *бымь* в церковнославянском языке. Он ввел *бымь* в парадигму настоящего и простого будущего времени и оставил *быхъ* в системе прошедших времен. Примером к этому правилу Смотрицкого может служить отрывок из КСА, где повторяющемуся *audivissem* (*plusquamperfectum coniunctivi activi*) соответствует в одном контексте сначала *услышалъ бымь* (будущее время) и потом *быхъ слышалъ* (прошедшее) [ГИМ, Чуд–216: 153об.].

Из Грамматики 1619 г. распределение *бымь* — *быхъ* перешло в ее пересмотренное московское издание 1648 г. В новой публикации Грамматики в 1721 г. Ф. Поликарпов вернулся к авторскому тексту Смотрицкого и сохранил оппозицию *бымь* — *быхъ*. Однако вскоре, в 1723 г., Ф. Максимов, перерабатывая и сокращая труд Смотрицкого, исключил *бымь* из парадигмы сослагательного наклонения. Полонизм *бымь* не закрепился в новоцерковнославянском языке, созданном в результате «книжной справки».

В протографе перевода, в части «О видении Христа», смешивались слова с корнями *вид-* и *вѣд-*. Одинаковые ошибки представлены разными списками: *вѣдящихъ*, *videntium*, *видяй*, *sciens*, *не видяше*, *nesciebat* [ГИМ, Чуд–216: 46, 59, 68об.; Чуд–291: 47об., 62об., 73об.; Син–459: 178об., 190об., 199об.; РГАДА, ф. 196, № 645: 36об., 52, 63об.]. Нельзя не отметить замену *у* на *в* в начале слова у Евфимия Чудовского: *впѣтавается*, *в'мягчается* [ГИМ, Чуд–216: 58, 58об.]. Сами по себе эти факты еще ни о чем не говорят: они широко распространены в восточнославянской книжности. Однако они соответствуют полонизму *бымь* и словам Истомин о «белорусском письме».

В конце XVII в. списки КСА и ее отдельных частей обращались среди барочных авторов, справщиков Печатного двора, среди таких знатоков грамматики, какими были, например, Истомин и Евфимий Чудовский. Принадлежавшие им поздние рукописи (не ранее 80-х гг. XVII в.) сохранили дониконовские языковые особенности, унаследованные через протограф «белорусского письма» от русского архетипа памятника.

В рукописях, изготовленных писцами, перешедшими на новую орфографию, старая норма предстает в сильно разрушенном виде. Ее следы можно обнаружить, например, в списках «Поучений, или Молитв» из КСА. Софийский сборник содержит произведения (частично автографы) Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, С. Медведева, Истомина. Здесь в двух случаях уцелело дониконовское имя Христа с одним *и*: *исусовѣ*, *исусе* [РНБ, Соф–1481: 13, 37]. Чтение *исусовѣ* пропущено в легко узнаваемой цитате (Флп 2: 10–11). Имя Христа с двумя *и* является нормой в Грамматике 1619 г. Смотрицкого и Лексиконе 1627 г. П. Берынды.

На дореформенное происхождение протографа указывает дательный применной падеж в формуле *во вѣки вѣко(м)*. Он пропущен несколько раз в сборниках Истомина [ГИМ, Чуд–290: 20об., 21, 87, 97об., 102; РГИА, ф. 834, оп. 3, № 3764: 17об., 78об., 92об.]. Во время «книжной справки» дательный применной падеж был заменен родительным: *во вѣки вѣковѣ*. От дониконовского протографа сохранилась кое-где старая акцентуация. У Евфимия Чудовского и в сборнике Истомина старорусское ударение стоит на *а* в именах *Михаѣль*, *Рафаѣль* и на последнем слоге в *Гавриѣль* [ГИМ, Чуд–216: 150; Чуд–290: 95об.]. В Грамматике 1619 г. Смотрицкого и словаре Берынды ударение приходится на последний слог: *Михаѣль*, *Рафаѣль*, как *Гавриѣль*. Никоновская «книжная справа» также перенесла ударение с *а* на последний слог.

КСА и ее отдельные части сохранились в русских списках не ранее 80-х гг. XVII в. Полонизм *бымь* повторяется во всех источниках без исключения. Следовательно, они имеют общий протограф. Им была редкая книга «белорусского письма», о которой сообщает Истомин. Совокупность фактов («белорусское письмо», *бымь* вм. *быхъ* и др.) указывает на бытование памятника в Литовской Руси, куда КСА попала благодаря Курбскому после его бегства из России в 1564 г. Один из позднейших украинских или белорусских писцов, возможно изучавший грамматику по Смотрицкому, исправил исконные формы *быхъ* на *бымь* в пяти местах. Если это предположение справедливо, то протограф русских списков появился после издания Грамматики 1619 г. и до Поместного собора 1654 г. при патриархе Никоне, постановившего начать «книжную справку».

Когнитивные основы аксиологии времени праздника (на примере фрагментов текста канона Пасхи на церковнославянском и английском языках)

М. Н. Коннова

Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия)

Когнитивная семантика, аксиология, пасхальный канон

Аннотация. Описываются когнитивные основы аксиологии времени праздника на примере третьего тропаря 7 песни пасхального канона.

Рассматриваемый тропарь — *Яко воистинну священная, и всепразднственная сия спасительная ночь, и светозарная, светоносного дне востания сущи провозвестница: в нейже безлетный Свет из гроба плотски всем возсия — есть символическое описание внутренней природы пасхальной ночи как провозвестницы* (от глаг. *провозвещати* — «предвещать, предсказывать» [СлРЯ 1995: 107]) дня Воскресения. Эмфатически выделенные восклицательным наречием *яко*, определения, сопровождающие хрононим *ночь*, выявляют отдельные существенные грани темпорального пространства праздника: *священный* («отделенный от обыкновенного, освященный» [Дьяченко 2007: 587]) описывает его «не-отмирность», «онтологическое пребывание вне здешнего» [Осипов 1995: 16]; *всепразднственный* указывает на совершенную степень, полноту и всеобщность пасхального торжества; *спасительный* метонимически именуется период времени по значимости событий, его наполняющих.

Завершающее этот ряд синтаксически обособленное метафорическое определение *светозарная* характеризует временное пространство праздника по его причастности свету как воплощенной благодати. Эпаналептический повтор корня *свет-* в следующей синтагме оттеняет связь между ночью предпразднства и днем Пасхи: *светозарная* ночь светит отраженным светом *светоносного* дня, *провозвестницей* которого она является.

Структурная доминанта песнопения — образ *безлетный Свет* в заключительной синтагме тропаря: он являет собой кульминацию восходящей градиции темпоральной пары (*светозарная*) *ночь* — (*светоносный*) *день*, её заключительное звено — *вневременность* (*безлетный* — «вечный, бессмертный» [СлРЯ 1975: 113]). Вневременность не представляет собой холодно-абстрактной темпоральной беспредельности — это вечность сугубо Личная: словами *безлетный Свет* иносказательно именуется Единородный Сын

Божий как Свет «превечный, бесконечный, существующий вне времени и пространства» [Лосский 2004: 287–288]. Светозарность предпасхальной ночи есть физическое проявление — *провозвестница* — превечного воплощенного Света, Своим воскресением воссиявшего миру.

Корень прилагательного *безлетный*, *-лет-*, будучи обобщенным именем темпоральности (ср. *лето*, греч. *χρόνος* «время» [Дьяченко 2007: 291]), является гиперонимом по отношению к хрононимам *ночь* — *день*. Наличие этой семантической связи подчеркивает положительное качество земного времени (ср. [Лосский 2004: 408]), в котором происходит воплощение и воскресение Превечного Сына Божия.

Употребление в едином контексте предложения рифмующихся форм аориста *возсия* и указательного местоимения *сия* («эта» [ср. Дьяченко 2007: 589]), с его функцией дейкиса «близкого» темпорального пространства (...*сия* ...*ночь*, ...*в нейже безлетный Свет* ...*возсия*), оттеняет мысль о причастности времени пасхального богослужения вечности: с воплощением и воскресением Сына Божия Божественный свет является во времени, открывается в истории (*возсия*), но он не от мира сего, вечен, поэтому сама причастность ему, словесно выражаемая определениями *светоносный*, *светозарный*, знаменует выход из исторического существования, слияние темпорального пространства богослужения с вечностью. Таким образом, период предпасхального богослужения — *сия спасительная ночь* — соединяет в себе два бытийно-темпоральных плана: пространство реального настоящего, момент «здесь и сейчас», и пространство сверхреального настоящего, вечность.

Англоязычный вариант тропаря — *For a truly holy and a supreme feast is this saving night radiant with Light, the harbinger of the bright day of Resurrection, on which the Eternal Light shone bodily from the grave upon all* — существенно отличается от своего церковнославянского прообраза. Восстановление прямого порядка слов в синтагмах, опущение эмфатического многоосознания в начальной синтагме (ц.-сл.: ...*и всепразднственная...*, и *светозарная...*) и эпанапестического повтора корня *свет-* в середине песнопения в совокупности приглушают яркое звучание семантической доминанты тропаря — ключевого слова заключительной синтагмы *Light / Свет*. Однокоренные сложные слова *светозарный*, *светоносный* переводятся разными по морфологическому составу лексемами: аналитической предложной кон-

струкцией *radiant with light* (букв. «сияющий светом» [Мюллер 1969: 617]) и однокорневым прилагательным *bright* («яркий, светлый, блестящий» [Мюллер 1969: 101]) — тем самым не выраженной остается не только глубинная иерархия смыслов, передаваемая церковнославянскими лексемами (ср. [Колесов 2004: 302]), но и мысль о теснейшей связи между периодами праздника (*светоносным* днем) и предпразднства (*светозарной* ночью). Иначе передается в английском варианте мотив временного-вневременного. На смену триаде *ночь* — *день* — *безлетный* приходит цепочка *night* — *day* — *eternal*. Прилагательное *eternal* выражает значение «вечный» в его отвлеченной целостности, вне эксплицитной связи с временем (ср. [Мюллер 1969: 267]), тогда как лексема *безлетный* (греч. *ἀχρονον*) оттеняет «вневременность» Света, его изначальную внеположенность какому-либо временному пределу: время, как и весь сотворенный мир, иноприродно Богу (ср. [Лосский 2004: 389]). На морфологическом уровне не выраженной остается мысль о начальной грани воскресения: английская форма простого прошедшего времени *shone* (от *shine* «светиться, сиять, блестеть» [Мюллер 1969: 695]) не эксплицирует свойственное глагольной форме зачинательного (ингрессивного) вида *возсия* значение внезапности, вневременности воскресения: приставка *воз-* выражает «начало и продолжительность действия в едином целом» [Петрухина 2009: 100].

Исследование аксиологических особенностей темпоральности в третьем тропаре седьмой песни пасхального канона свидетельствует о насыщенности категории времени ценностными смыслами, находящими свое языковое выражение, прежде всего, на лексическом и морфологическом уровнях.

Литература

- Дьяченко Григорий, свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
- Колесов В. В. Слово и дело. СПб., 2004.
- Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004.
- Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 1969.
- Осипов А. И. Святые как знак исполнения Божия обетования человеку // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 9–32.
- Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995.

Житие Арсения Великого: две версии одного перевода

Т. П. Лённгрэн

Университет г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Автограф, протограф, редакция, источник

Summary. This work contains the Life of Arseny the Great, which is one of the 24 Lives from the *Collection of Lives of Greek Saints* by Nil Sorsky. Comparison of the two texts resulted in this analysis of Nil Sorsky's methods of work with the Lives of Saints.

Литературная история жития Арсения Великого далеко не проста. В греческих источниках существует три жития преподобного Арсения Великого. Одно приписывается Феодору Студиту (издано у Болландистов в Acta Sanctorum, т. 4, июль), другое составлено неким Арсением (см. [Васильевский 1897: 354]), третье принадлежит перу Симеона Лагофета и входит в состав десятой и последней книги его метафраз [Церетели 1899: III]. Текст жития Арсения, дошедший до нас в составе ВМЧ, ТСЛ 669, Вол 597, Соф 1375, Сол 513 / 532, Сол 514 / 533, Пог 1934 восходит к редакции Феодора Студита. К редакции Метафраста восходит текст жития Арсения, который дошел до нас в составе *Соборника* Нила Сорского: Унд 1173, Вол 630, ТСЛ 83, Соф. 1357, Пог 1321, Q. I. 323 (без конца). В *Патерике азбучном* КБ 8 / 1247, л. 272–272 об., и в *Патерике скитском*, Сол 635 / 693, л. 227–235, находится отрывок о черноризце Арсени, чрезвычайно важный для изучения особенностей текста этого жития. В Пог 804 помещен текст жития Арсе-

ния, представляющий собой промежуточную версию двух названных редакций: с одной стороны, начало совпадает с редакцией Феодора Студита, с другой стороны, в этом тексте нет Похвалы Феодора Студита и много различий, которые дают основание считать этот текст другим переводом, подвергшимся основательной редакции.

В предлагаемом выступлении речь пойдет о тексте Жития Арсения Великого, восходящего к редакции Метафраста, дошедшего до нас в автографе Нила Сорского. Для автографа Нила был установлен протограф, Унд 1173. В ходе сопоставления протографа и автографа, Вол 630, будет показано, какая переработка текста жития предшествовала его помещению в *Соборник* великого книжника.

Литература

- Васильевский В. Г. Синодальный кодекс Метафраста // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 311. 1897.
- Церетели Г. Ф. Житие иже во святых отца нашего Арсения Великого. СПб., 1899.

Значение кодификации С. Цамбела для истории словацкого литературного языка

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кодификация, среднесловацкий диалект, западнословацкий диалект, «обратное» развитие, неустойчивые нормы

Summary. In the report the condition of the Slovak Literary language before its codification in 1902 by S. Czambel is analyzed and the conclusion that the tendency of regressive development was characteristic for it becomes. It was shown in convergence with a previous condition and with the Czech Literary language. After S. Czambel's codification divergent development towards the Czech literary language became dominating for the Slovak Literary language.

В словакистике до настоящего времени ведутся острые дискуссии относительно деятельности выдающегося лингвиста и кодификатора словацкого литературного языка С. Цамбела (1856–1909). При этом оценки этой деятельности весьма противоречивы, а порой даже диаметрально противоположны, что свидетельствует о сохраняющейся актуальности ее восприятия в словацком обществе.

Для того чтобы объективно оценить деятельность С. Цамбела и понять ее значение для истории словацкого литературного языка, необходимо установить тенденции развития последнего в конце XIX — начале XX в. и выяснить, какие последствия имела деятельность С. Цамбела для развития языковой системы в целом и для составляющих ее конкретных языковых средств. Этот вопрос можно решить путем сопоставления работ С. Цамбела с грамматиками словацкого языка, вышедшими ранее, с учетом реального состояния языковой практики до его кодификации на фоне последующего развития словацкого литературного языка.

Как известно, современный словацкий литературный язык восходит к кодификации Л. Штура, изложенной в его работе «Наука о словацком языке» (Štúr 1846 / 1957). В это время в среде словацких католиков уже функционировал литературный язык, кодифицированный в 1787 г. А. Бернолаком и имевший западнословацкий характер. Кодификация же протестанта Л. Штура представляла собой частичную смену парадигмы литературного языка, так как была радикально изменена его фонетика и морфология в соответствии со среднесловацким диалектом, но сохранена преемственность лексического состава. Тем не менее католики в целом позитивно отнеслись к новому литературному языку, поскольку он представлял собой лишь вариацию словацкого языка, использование которого было привычно в их среде, и выступали лишь против отдельных языковых элементов. Именно эти элементы и были выведены из нового литературного языка уже в 1852 г. в его новой кодификации, автором которой был М. Гаттала.

Полагаем, что ревизия кодификации Л. Штура была необходимым шагом ввиду ее узколокального характера, поскольку она тесным образом была связана с северными говорами среднесловацкого диалекта и прежде всего с липтовским. Как отмечал Н. С. Трубецкой, «... для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому-нибудь определенному современному говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором» (Трубецкой 1927 / 1995, 166). Ревизия М. Гатталы затронула как уровень графики, орфографии и фонетики, так и морфологии. Руководствуясь историческим (этимологическим) принципом, он вводит графему *u*, отсутствовавшую как в кодификации А. Бернолака, так и Л. Штура. Это изменение нашло отражение и в орфографии, поскольку М. Гаттала отказался от обязательного обозначения мягкости согласных перед *i*, также характерного как для кодификации А. Бернолака, так и Л. Штура, но отсутство-

вавшего в чешском языке, так и перед гласным *e*, что представляло собой орфографическую инновацию. По аналогии же с кодификацией А. Бернолака М. Гаттала вводит графему *l'*, обозначающую соответствующую фонему, отсутствовавшую в кодификации Л. Штура. Кроме того, были введены графема *ä* и диграф *iu*, обозначающие соответствующие фонемы, которые, напротив, усилили специфику фонетической системы словацкого литературного языка.

Существенным изменениям была подвергнута морфология, сблизившая словацкий литературный язык с кодификацией А. Бернолака и чешским литературным языком.

Изменения, внесенные М. Гатталой, имели для словацкого литературного языка серьезные последствия, поскольку это была не просто одномоментная ревизия кодификации. Они как бы задали «обратное» направление развитию нового литературного языка, приобретшее характер тенденции, так как утрата им среднесловацких особенностей продолжалась и в последующие десятилетия, что нашло отражение в грамматиках Й. Викторина (Viktorin 1860) и Ф. Мраза (Mráz 1864). В еще большей степени реализация названной тенденции нашло отражение в реальной языковой практике, поскольку многие кодифицированные формы в печатных текстах также заменялись формами, общими с бернолаковскими и / или чешскими.

Таким образом, словацкий литературный язык к концу XIX в. отличался крайне неустойчивыми нормами и тенденцией «обратного» развития. Для изменения существующего положения необходима была его новая кодификация, которая и была осуществлена С. Цамбелом (Czambel 1902).

Особенностью кодификации С. Цамбела стало то, что он впервые в словакистике стремился изучить реальное состояние словацкого литературного языка. Он опирается не только на ситуацию в среднесловацких говорах, грамматическую традицию и собственные представления, но и изучает язык словацких писателей для того, чтобы выяснить, какие формы действительно закрепились в литературном языке, а какие следует из него вывести. В результате новой кодификации С. Цамбелу удалось переломить тенденцию «обратного» развития словацкого литературного языка. В дальнейшем в его развитии стала доминирующей тенденция дивергентного развития по отношению к чешскому литературному языку, что стало гарантией его сохранения. В этом нам представляется главная заслуга С. Цамбела, которая ставит его в ряд наиболее значительных личностей в истории словацкого литературного языка.

Литература

- Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 162–210.
Czambel S. Rukoväť spisovnej reči slovenskej. Turčiansky Sv. Martin, 1902.
Mráz F. Slovenská mluvnica pre gymnasia, reálky, praeparandie, vyššie oddelenia hlavných škôl. Vo Viedni, 1864.
Štúr L. Náuka reči slovenskej // Dielo v piatich zväzkoch. Zväzok V. Slovenčina naša. Bratislava, 1957. S. 153–253.
Viktorin J. K. Grammatik der slovakischen Sprache. Pest, 1860.

Динамические процессы в смысловых структурах староукраинских научных текстов XVI–XVIII веков

Г. М. Наенко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

История украинского литературного языка, научный текст, дефиниция, метатекст

Summary. The sens structure of old Ukrainian scientific texts of XVI–XVIII centuries considered within the context of interaction between variants of literary language, tend to the individualization or subjective neutrality of statement, complication of the metatext.

Классические схемы истории украинской литературы (С. Ефремов, Д. Чижевский) и литературного языка (И. К. Бе-

лодед) определяют совокупность научных текстов среднеукраинского периода как стилистическое единство. Приме-

нение методов современной интегральной (синергетической) теории текста, рассмотрение его смысловой структуры как многоуровневой организации содержания, обусловленного комплексом внеязыковых факторов (как универсальную метамодель научного дискурса рассматривают модель эпистемической ситуации, разрабатываемую школой М. Н. Кожиной), дает возможность установить текстотипы, проследить за характером взаимодействия вариантов литературного языка, определить стереотипность или авторский характер формальных средств выражения отдельных структурных единиц.

Научный дискурс конца XVI — первой половины XVII в. формировался в условиях конкуренции двух текстовых эпох (И. Т. Касавин): средневековой и ренессансной. Переводные тексты, как правило, представляют собой инварианты инерционного характера: «Богословие», «Диалектика» И. Дамаскина на церковнославянском, «Люцидариус» на «простой мове».

В оригинальных трудах по теологии изложение старого знания, т. е. цитат из Священного Писания, сопровождается метатекстом на «простой мове», как, например, в анонимном «Душевнике» начала XVII в.: *Отож, видиши, же zde глаголет: «Блажен человек, иже уповае на господа», а инде рече: «Душа моя уповае на господа». То заедно.* Методологические основания философии логоса определяют следующий, глубокий уровень построения: текст структурируется как силлогизм. В полемических текстах архаической структуры цепочка цитат обрамляется глубоко индивидуализированным метатекстом («Палинодия», «Книга о вѣрѣ» Захарии Копистенского). Ядерные жанры характеризуются полнотой смысловой структуры с экспликацией авторского присутствия, выразительным субтекстом оценки, развитыми средствами адресации («Зерцало Богословии» К. Транквилиона-Ставровецкого).

Грамматическим и лексикографическим трудам присущи попытки обозначить «новое» знание, личный вклад авторов: *оувѣщенія* в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого, методологические субтексты в разных словарях. Периферийные субтексты демонстрируют образцы организации разных форм диалогического взаимодействия с читателем, так, Памво Берында в предисловии и послесловии к «Лексикону словеноросскому» использует модели «Я — Ты», «Я — Вы», «Я — Они»; как можно заметить, модель «Мы — Ты» распространяется с переводными текстами (так в «Розмовѣ — Бесѣдѣ», приписываемой Ивану Ужевичу).

Средневековая текстовая эпоха ориентируется на преддефиницию лингвистического типа (объяснение этимологии, внутренней формы, семантики), под влиянием латинской традиции определение оформляется с абстрактной связкой, например, у Транквилиона: *дуноу знаемо яко планета естѣ неоставичнаа о(т)мѣн(ѣ)наа*.

Во второй половине XVII в., периоде предмодерном, наука выразительно идентифицируется с учебными институциями (Киево-Могилянская коллегия), ядерные жанры со-

здаются на латинском языке (преподавания), научно-практические — на церковнославянском и «простой мове». Формально примыкая к книжной культуре, одновременно узко специализированные, они неоднородны по воплощению смысловых структур. Так, элиминация субтекста авторизации, десубъективация изложения указывают на осознанную анонимность составителей «Синописа». Кроме реферированных летописей, оцененных по характеру древности, ветхости, подробности, ясности, достойными аргументирующей функции оказываются *повѣсти еце ѿ стары(х) людей*, живая речевая практика. Принципы философии языка реконструируются по этимологическим изысканиям: ориентация на логос обобщена объяснением этноминаций по употребляемому языку, а не *по естеству*. В целом нейтральная оценка элементов католической практики богослужения позиционирует автора трактата «Мир съ Богом челоуѣку», И. Гизеля, в светской, «академической» плоскости, отдаленной от полемических споров предыдущего периода.

Как вторичный, научно-информативный текст, создается широко известная «Наука, albo способ зложена казаня» И. Галытовского. Осознание новизны своего труда, авторского вклада сопровождается здесь автокоммуникацией: *Чытай в(ѣ) казаню моею первомъ на бѣдвленіе: патьи сахраментъ естѣ бѣценство и про(ч).*

Со второй половины XVII в., времени активного распространения естественнонаучных переводов с Московской Руси, круг прецедентных текстов становится шире, увеличивается количество доступных для изучения редакций. С началом XVIII в. на создание научного текста влияют изменение внешних политических условий, модернизация научной жизни, книгопечатание на европейских языках. «Философия Аристотелева» М. Козачинского (издана на латинском, польском, славяноукраинском) демонстрирует превалирование современных тенденций в определении терминов: *Видѣ естѣ совершеное бытіе всакои вещи*; но нейтрализацию субъективности в основной части изложения.

С XVIII в. сохранилось значительное количество разных естественнонаучных, в т. ч. медицинских текстов информационного типа: травники, лечебники, гороскопы и т. д. Переход от наблюдения к эксперименту как способу получения новых знаний зафиксирован в них достаточно ярко. Неполная смысловая структура характеризуется отсутствием дефиниции, ссылок на книжные источники, императивом в основе синтаксиса, нивелированной авторизованностью и т. д. Они отражают активное освоение латинского: *и зѣлла асфордельсь, то естѣ злотоголовъ, або иначе якъ зовѣтъ багно* («Книжица для господарства»), генетическую связь с польским проявляют разные средства оценки (телеологической и утилитарной): *Рѣчь досвѣдчона на ггарену* («Лѣкарства описаніе»). С приближением к современному периоду, таким образом, смысловая структура усложняется за счет субъектных компонентов.

Проповедь XVII века: славянские параллели и развитие староукраинского литературного языка

О. И. Ника

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

История литературного языка, барокковая проповедь XVII в., ее жанрово-стилевые особенности, польское влияние на староукраинский язык, А. Радивилловский.

Summary. Polish influence on the development of the ukrainian oratorical homiletic gender of the XVII century is analyzed on the material of the Radivilovsky sermons.

XVII в. в истории украинского литературного языка представляет новый, латино-польский тип проповеди, требования к которому были сформулированы в гомилетическом трактате И. Галытовского «Наука, albo способ зложена казаня». Расцвет ораторско-проповеднической школы второй половины XVII в. засвидетельствовали старопечатные сборники казань И. Галытовского (Ключ разумения, Небо но-

вое, Скарбница потребная, Грехи розмаити), А. Радивилловского (Огородок Марии Богородицы, Венец Христов) и др.

В исторической лингвистике проповедь XVII в. была предметом отдельных исследований о барокковой образности, экспрессивном синтаксисе, структурном и функциональном параметрах интродуктивной части проповеди, риторической терминологии. В 80-ых гг. XX в. в научной се-

рии «Памятники украинского языка» были опубликованы тексты И. Галытовского под названием «Ключ разумения» с предисловием И. П. Чепиги. В контексте влияния, в том числе славянского, анализировались полонизмы, в частности лексические. Вне лингвистического внимания остаются вопросы широкого освещения польского, латинского влияний на развитие жанра украинской проповеди на протяжении XVII в., раскрытия ее статуса и значения в стилиевой систематике староукраинского литературного языка, оценку этого нового типа проповеди, барокковой проповеди в Украине и России, специфику украинской проповеди, которая формировалась под влиянием и с учетом новых образцов.

Перспективы лингвистического исследования проповеди XVII в. предусматривают изучение таких аспектов:

1. Периодизация развития латино-польского типа проповеди на протяжении XVII в. Эта тенденция представлена в раннебарокковой ораторско-проповеднической литературе: в старопечатных проповедях Леонтия Карповича (Карпович Леонтий. Казань двое, 1615), Мелетия Смотрицкого (Казань<:> на чест(ь)ны(й) погребь... Леонтия Карповича, 1620). По сути, функционирование новой церковной проповеди начинается с 30-х гг. XVII в. и связано с именем Петра Могилы (Крест Христа Спасителя и каждого человека), наибольшее развитие и распространения получило во второй половине XVII в. В оценке этого вопроса существенно ориентироваться не только на старопечатные издания, но и рукописные: еще с первой половины XVII в. сохранились три рукописных сборника украинских проповедей, в частности Н. И. Петров связывает их с проповедями езуита Петра Скарги.

2. Связь проповеди с другими жанрами и стилями староукраинского литературного языка второй половины XVI и XVII в., в частности Учительными евангелиями и полемическими текстами. Актуализация евангельской науки в доступной форме мотивирует появление нового жанра в истории украинского литературного языка — Учительных евангелий. Собрание проповедей на темы евангельских чтений каждого воскресенья и главных праздников публиковались сначала по-церковнославянски (в Заблудове 1569 г., а потом в Крилосе 1606 г.) На их основании Мелетий Смотрицкий перевел на украинский Учительное евангелие 1616 г., которое было перепечатано 1637 г. Кроме воскресных и праздничных проповедей, Учительное евангелие Кирилла Транквилиона-Ставровецкого 1619 г. включало поучения на другие темы, связанные с церковной жизнью.

В особенности полемисты культивируют новые нарративные принципы текста и работы с ним, через абсолют Святого Письма рассматривают социальные проблемы. Это нашло отражение в языковом сознании полемистов, которые сосредоточились на поиске эффективной аргументации, акцентировании индивидуальной ответственности в вопросах легитимности своей веры, что подчеркивало роль субъективного модуля в полемических текстах конца XVI — начала XVII в.

После 30-х гг. XVII в. развернулась полемика о том, развиваются ли Учительные евангелия в контексте могилянской эпохи, утрачивая свои публицистические акценты, или на-

ходят свое продолжение в украинской ораторско-проповеднической школе XVII в.

3. Выяснение жанрово-стилевых характеристик польского влияния в проповедях и прослежения динамики такой проповеди в XVII в. сосредоточено на вопросах структурных особенностей построения текста, популярности «концептов», часто используемых в «Римских деяниях», «Гостинце» Ф. Дзиловского, «Великом зеркале». В частности, тексты украинских проповедников сравниваются с латинскими (Меффретом), польскими (Петром Скаргой, Фомою Млодзяновским и др.) в плане барокковых приемов и средств, познавательности, «народности». В результате такого влияния расширяется непрямая эвиденциальность: активно цитируются святые Августин, Иероним, которые не были признаны святыми в православной традиции.

Кроме лексических полонизмов, анализируется проникновение в украинские тексты типологических конструкций, напр., замена именительного предикативного на творительный предикативный, а также словоупотребление за латино-польскими образцами.

4. Специфика украинской проповеди XVII в. выявлялась в акцентах на духовности, что часто соотносят с традициями греко-византийской проповеди, которая была синтезирована с новыми дискурсивными практиками. Культивируемая как школьный жанр, в особенности в Киево-Могилянской академии, украинская проповедь, в отличие от польской, не отображала актуальных для этого периода политических контroversий. Исключения составляют пять рукописных «слов» А. Радивиловского, написанных «часу войны» с турками и татарами.

Взаимопроникновение реалий того времени в религиозную сферу акцентирует на новых словосочетаниях: у А. Радивиловского Иоанн Богослов — «секретарь» неба, Иоанн Креститель — «маршалок» Господа, он собирает «вольный собор».

5. По своему содержанию рукописные проповеди А. Радивиловского ближе к Учительным евангелиям, чем его печатные проповеди, особенно, проповеди «Венца Христова». Среди проповедников второй половины XVII в. А. Радивиловский наиболее точно репрезентирует как украинскую схоластическую проповедь этого времени, так и польское влияние на нее. Печатные сборники проповедей этого лаврского проповедника, А. Радивиловского, были запрещены патриархом Иоакимом («Огородок Марии Богородицы») или напечатаны без патриаршего разрешения («Венец Христов»).

6. Украинская проповедь XVII в. засвидетельствовала сближение письменного языка с устным, народным, установку на интерактивность, диалогичность, доступность и познавательность, ориентированность не только на книжника этого времени, но и на широкую аудиторию, «посполитых людей». Предисловие к «Науке...» И. Галытовского обращено и к «ляиком» (к светским людям), что свидетельствует о социокогнитивных параметрах потенциального проповедника (казнодии).

В староукраинском литературном языке XVII в. развитие проповеди проиллюстрировало синтез греко-византийской и латино-польской культурно-религиозных парадигм, поляризованных в средневековый период.

Ранний этап формирования русской географической терминологии (по материалам космографий XVII в.)

Н. В. Николенкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

История русского литературного языка, термины

Summary. In the paper presented below the earliest period when the scientific terminology, geographic first of all, started to form in Church Slavonic language, is looked over. The translators, who interoperated scientific texts (cosmography and the earliest geography) presented many ideas which formed the basis of scientific terminology of the XVIII century. We trust, just Church Slavonic language became the basis of Russian science language.

Переводные космографии XVII века стали предметом научного интереса еще в XIX веке, большое внимание в своем

обзоре переводной литературы Московской Руси им уделяет А. И. Соболевский [Соболевский 1903: 52–78]. Однако

лингвистический анализ этих текстов практически не проводился. В немногочисленных работах, посвященных языку переведенных с латинского языка сочинений, внимание уделялось в первую очередь исторической и политической терминологии [Глускина 1954], так как анализировались в первую очередь части космографий, посвященные описанию отдельных стран (в первую очередь исследователи обращали внимание на части, посвященные Московии).

Среди Космографий XVII века, переведенных с латинского языка, особое место занимает Атлас Блау [Blaeu 1645]. На лингвистические характеристики этого текста дает указание уже Соболевский: язык перевода Атласа Блау он называет «ученым церковнославянским» [Соболевский 1903: 61]. В отличие от других космографий, где основу описания составляют рассказы (в том числе и мифологического характера) о разных землях, Атлас Блау содержит в себе информацию географического характера: о строении Солнечной системы, о поясах Земли, о климатах, широтах и долготах и т. д. Большая часть этой информации содержится в обширном «Вводении в Космографию», которое, судя по результатам наших исследований [Николенкова 2010], было довольно хорошо известно в XVII веке (рукописи Син. 19 и Син. 642; Q.XVII.6 и Q.XVII.31 и т. д.).

Сопоставление списков Вводения показало, что они не идентичны, но ориентируются на один общий перевод. Ближе всего к нему, по нашему мнению, находится текст рукописи Син. 642, хотя белой экземпляр сохраняется в Син. 19; копии из собрания РНБ сделаны в более позднее время и, вероятно всего, связаны со вторым попаданием на русскую почву латинского издания Атласа. При создании копии в ряде случаев переписчики подвергали оригиналь-

ный перевод правке: так, в Q.XVII.31 есть пропуски наиболее сложных и неясных фрагментов текста.

Однако во всех известных нам сегодня списках Вводения неизменными сохраняются сделанные переводчиком предложения по формированию новой научной терминологии. Так, до начала XVIII века просуществовал термин *равнитель* (= экватор), *горизон*, предложенный переводчиком вместо *оризон*, лишь через 50 лет сменится «горизонтом»; именно автором перевода в их современных значениях предложены *параллель* (на основании сопоставления разных списков мы покажем, какова ранняя история этого термина), *диаметр* и другие.

Формирование научной терминологии приходится на самый последний этап существования церковнославянского языка. Новый литературный язык XVIII века отказывается от многих черт, присущих системе языка XVII века, однако в области формирования научной терминологии новый тип РЛЯ следует за церковнославянским языком, то есть образуется зона преемственности «старого» и «нового» литературных языков.

Литература

- Глускина С. М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского педагогического института. Псков, 1954.
- Николенкова Н. В. Церковнославянский перевод Атласа Блау: нерешенные вопросы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». 2010. № 6.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Blaeu — Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Семантическая эволюция церковнославянизмов в истории русского литературного языка

А. С. Новикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Церковнославянский язык, Библия, лексема, толкование слова, значение

Summary. In modern Russian literary language there is a considerable vocabulary layer of words borrowed from Church Slavonic. Over the time their original semantics have changed and the words lost their original spiritual and moral meanings. To understand the semantic developing of some words and phrases in modern Russian literary language it's necessary to consider their connection to Biblical context.

В современном русском литературном языке значителен лексический пласт слов, заимствованных из церковнославянского языка. И это не случайно, поскольку церковнославянский язык в течение длительного периода времени (XI–XVII вв.) был литературным языком на Руси.

Наши предки отождествляли понятия языка церковнославянского и русского. Причем в понятие русский язык включался и богослужебный язык Церкви: **въ цркви стѣмъ вѣды лѣвый клиросъ грѣческы поахъ, а прѣвый рѣски** («Повесть о Петре, царевиче ордынском», XIII в.).

Чтобы описать семантическое развитие многих слов и выражений русского литературного языка, понять их подлинный смысл, необходимо учитывать их связи с библейскими контекстами. Это касается не только слов абстрактной семантики, относящихся к духовно-нравственной сфере (например, *правда, истина, живот, милосердие, обольстить, искушать, любовь, вера, страсть, зло, заповедь*), но и таких конкретных по первичным значениям лексем, как *камень, терние, песок, семя, сеятель, плод, путь, чаща, пустыня, небо, отец, око, удобрение*, и многих других. Например, в словах *путь, истина, живот* («жизнь») раскрывается смысл человеческого бытия — крестоношение в поисках Истины — Бога, ибо сам Господь сказал: **а́зъ есмь пѣть, ѿ истина, ѿ животъ** (Ин. 14, 6). Сакральные значения этих трех слов в настоящее время известны немногим.

Многие корни слов церковнославянского языка нам хорошо знакомы, но при этом значения русских слов часто отличаются от семантики церковнославянской лексики. На

протяжении веков исходная семантика ряда церковнославянских слов менялась, слова утрачивали свое первоначальное духовно-нравственное значение.

Обратимся к некоторым общеупотребительным словам русского литературного языка, заимствованным из церковнославянского, древние значения которых либо изменены, либо утрачены.

Лексема *просвещение* в современном русском языке понимается как распространение знаний, культуры. В ц.-сл. она имела два значения: 1) Крещение, Богоявление (греч. ἐπιφάνεια); 2) свет, освещение (греч. φωτισμός). Верное толкование слова *просвещение* было дано замечательным русским писателем Н. В. Гоголем: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово *просвещение*. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме. Пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружавшие, и знает, зачем произносит...» [Гоголь, 6: 70–71].

В русском языке *удобрение* — сельскохозяйственный термин, в ц.-сл. — «дарование добра». Отсюда вытекают другие контекстуальные значения, указанные в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского: 1) украшение; 2) наставле-

ние, назидание; 3) успокоение; 4) смягчение. Ср. *земля русь-ская оудобрѣние, всета вселеныа наслаждение* (о Бо-

ристѣ и Глѣбѣ, Стихар. 1163 г.); *прославляю тѣ, бже, вѣрнымъ оудобрение* (Мин. 1097 г., л. 40).

	значение в русском языке	значение в ц.-сл. языке
<i>честный</i>	‘говорящий правду’	‘удостоенный чести и славы’
<i>обожать</i>	‘преклоняться перед кем-либо’	<i>ѡбожѣтисѧ</i> — ‘становиться богоподобным’, <i>ѡбожѣти</i> — ‘жить по божьим заповедям’, <i>ѡбожѣнїе</i> — ‘общение или соединение с Богом’, ‘исполнение благодати Божией в человеке’
<i>ужас</i>	‘страх’	‘удивление, вдохновенное состояние’
<i>напрасно</i>	‘бесполезно’	‘внезапно, неожиданно’

Глаголы *терпеть, потерпеть*, наряду с сохранившимся в русском языке значением ‘переносить скорби, обиды’, имели и другое значение – ‘уповать, надеяться на милость Божию’. Оно, в частности, хорошо определяется в 13 стихе 26 псалма: *потерпїи гда, мѣжайса, ѥ да крѣпїтса сердце твоѣ, ѥ потерпїи гда*. Вспомним великолепный перевод на русский язык этого псалма, сделанный М. В. Ломоносовым: «Ты сердце, духомъ укрѣпись, о Господѣ мужайся и бѣдствию не колеблись, на Бога полагайся».

Важно отметить, что в ряде лексем, имеющих в церковнославянском языке отрицательное значение, связанное с колдовством, обманом или безумием, в истории русского языка изменено на прямо противоположное. И в этом неверном смысле данные церковнославянские употребляются в художественной литературе. Например, в современ-

	значение в русском языке	значение в ц.-сл. языке
<i>изумительный;</i>	«необыкновенный, восхитительный» (<i>изумительный талант</i>);	<i>ѣзѣмлѣнїе</i> — ‘ненависть’; <i>ѣзѣмлѣнѣ</i> — ‘бешеный’;
<i>изумление</i>	«крайнее удивление»	<i>ѣзѣмлѣтисѧ</i> — ‘сходить с ума, делаться безумным’
<i>вонь</i>	«зловоние»	<i>вонѧ</i> — «запах, благовоние»

В некоторых широко известных в современном русском языке выражениях утрачено духовно-нравственное значение. В былые времена на Руси намерение человека обрадовать Бога своими поступками, поведением обозначалось словами «Ради Бога». В настоящее время смысл этого выражения предан забвению, вероятно, из-за утраты людьми любви к Богу, и как следствие этого, потребности порадовать Его. В настоящее время словами «не от мира сего» обычно называют человека, поведение которого можно считать странным, если не болезненным. В прошлом так назывался человек, живущий не по законам страстей, а по законам Православной Церкви.

В современном русском языке совершенно утратило духовный смысл слово *спасибо*. На некорректность употребления выражения «большое спасибо» (т. е. «Большое „спасибо“ Бог») в разговорной среде обратил внимание еще акад. Д. С. Лихачев [Лихачев 2006: 276]. «Спаси тебя Христос», «спаси тебя Бог, спаси тебя Господь» — вот внутренний смысл частицы *спасибо*, образованной из лексем **спаси богъ* [Фасмер 1987, 3: 732]. Это не простая словесная бла-

гом русском языке лексема *прелесть* — «очарование, вызываемое кем-нибудь или чем-нибудь»; *прелестный* — «полный прелести», то есть достоинства, в ц.-сл. *прелесть* — «заблуждение, прельщение, обман», *прелестный* — «льстивый, коварный, обольстительный», то есть качества врага рода человеческого. Обратим внимание на неверное толкование слова *прелесть* в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Молитва»: «...и дышит непонятная святая прелесть в них». Совершенно очевидно, что прелесть не может быть святой.

Лексемы *обаяние, обаятельный* в словарях русского языка толкуются как слова с положительным значением: обаяние молодости, обаятельный человек. В ц.-сл. *ѡбѧлнїе* — «колдовство». Это существительное образовано от глагола *бѧлти* — «заговаривать».

годарность, не формула вежливости, но *молитва* о спасении человека. Со словом *спассти* связаны однокоренные лексемы: ст.-сл. *спѧсѧсть, спѧсѧстѣль, спѧсѧеник, спѧсѧьникъ* («хранитель»), *спѧсѧьтѣи* («спасительный, ведущий к спасению»). *Сѧпасовъ постъ* — Успенский пост, *Сѧпасовъ днь* — день Преображения Господня.

Из церковнославянского языка на протяжении многовековой истории русского народа черпались слова и обороты для выражения высоких понятий, для духовно-нравственного обогащения русской речи. Церковнославянский язык — постоянный источник для понимания словесного богатства русского литературного языка. Поэтому заданная в кратких тезисах тема не может быть исчерпана. Она заслуживает более глубокого исследования.

Литература

- Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н. В. Собрание соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 70–71.
Лихачев Д. С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987.

К вопросу о взаимоотношении сборника «Великий миротворный круг» и рукописи Вол–137

Л. А. Новицкас

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

«Великий миротворный круг»; рукопись Вол–137; «Сказания о седьмой тысящи»; источниковедение; текстология

Summary. The collection The Great Indiction’s copies and manuscript Vol–137 have similar composition. The problem of their interrelation is very important, but the answer to it is not found. I found out a special redaction of the second and the third “Story about the seventh thousand” which was included in Vol–137 and two The Great Indiction’s copies. It does not decide the question but approach the solution of the issue.

В постоянный состав сборника «Великий миротворный круг» (далее — ВМК) входят таблица Великого Индикциона на 7980 + 20 лет с комментариями и статьи: «Изложение пасхалии» митр. Зосимы, примыкающее к нему «Начало пасхалии» архиеп. Геннадия, четыре небольшие статьи «Исправление круга святых Пасхи», «Вопрос. Како тридневно воскрес Господь», «Собор Вселенский первый» и «О крузе святых Пасхи», три «Сказания о скончании седьмой тыся-

щи» Иосифа Волоцкого (все эти статьи функционируют как единый комплекс — в том смысле, что порядок их следования всегда остается неизменным), Предисловие редактора сборника Агафона, «Сказание известно како считати пасхалия науст». В научной литературе в качестве даты создания сборника указываются годы от 1538 до 1542.

Рукопись Волоколамского монастыря Вол–137, по филиграммам датируемая 1-й третью XVI в. [Романова 2002: 199],

также содержит таблицу на 7980 + 20 лет с комментариями (несколько сокращенными) и некоторые из составляющих «ядро» ВМК статей: «Изложение пасхалии», «Начало пасхалии», четыре небольшие статьи и «Сказания» прп. Иосифа. В настоящее время не установлено, как соотносятся ВМК и волоколамский список: либо Вол-137 является одним из источников сборника Агафона, либо, если учесть возможную залежность бумаги, более ранним вариантом ВМК или его сокращением. Среди отличий, имеющих в сборниках, важно отметить следующие. В таблице рукописи Вол-137 в перечень неподвижных праздников не включены ни память св. Сергия Радонежского, ни память св. Петра, наличие одной из которых (в зависимости от редакции) является обязательным для ВМК; статьи Зосимы и Геннадия отделены друг от друга заглавием, тогда как во всех списках ВМК они функционируют как единый текст.

Отдельного обсуждения требуют «Сказания о скончании седьмой тысячи». А. А. Романова замечает: «...В своем послесловии Агафон пишет о двух словах св. Иосифа Волоцкого, тогда как в его МК содержится все три „Сказания о скончании седьмой тысячи“ <...> в списке же Вол имеются только два „Сказания“» [Романова: 199]. В первую очередь следует указать на то, что Агафон пишет о двух словах, имея в виду одну статью Геннадия и одну — Иосифа, а никак не два «Сказания»: «Написали суть два слова преосвященный Генадіе архієпископ Новгородскій и преподобный игумень Иосіе» [ТСЛ-736. Л. 32 об.] (примеры даны в упрощенной орфографии). Важным представляется следующий факт. Известны две редакции «Сказаний»: одна из них — это цикл из трех статей о «скончании седьмой тысячи», другая — 8-е, 9-е и 10-е «Слова» в составе «Просветителя» прп. Иосифа. Во всех известных рукописях ВМК первое «Сказание» представлено в первой из названных редакций, тогда как в волоколамском списке — в редакции «Просветителя». Текст же, принятый А. А. Романовой за второе «Сказание» является статьей, составленной из фрагментов второго и третьего «Сказаний» (отличия которых в отдельном цикле из трех статей и в «Просветителе» незначительны), в рукописи Вол-137 она озаглавлена как «Того же преподобнаго Иосифа сказание имат свидѣтельство от божественных писаний о втором пришествии Господа Бога нашего и Спаса Иисуса Христа». Текст с тем же заглавием содержат списки ВМК МДА-103 и Увар-910, но в них включен и комплекс из трех «Сказаний». Оба списка датируются сер. XVII в. и имеют сходный друг с другом состав дополнительных статей: «О стяжании», «Колико есть части слова», «От грамматики», «Лаодикийское послание», «Книга глаголемая буквы» Герасима Ворбозомского, «О пременении календаря», статьи из «Предисловия святцам», послания Мисюрю Мунехину и др. Но в МДА-103 «Того же прп. Иосифа сказание» отделено от трех «Сказаний» целым рядом других статей, в Увар-910 (отличающегося от прочих списков ВМК

тем, что в нем отсутствует «Изложение» Зосимы, а «Начало» Геннадия отредактировано и отделено от остальных статей постоянного состава ВМК) следует сразу за третьим «Сказанием». Текст интересующей нас статьи в МДА-103 и Увар-910 отличается от того, что представлен в Вол-137: в нем отсутствует фрагмент третьего «Сказания». Вероятнее всего, он по неясным сейчас причинам был исключен. В волоколамском списке «Того же прп. Иосифа сказание» начинается отрывками из второго «Сказания» (важно заметить, что редактирование состояло в простом выпускинии фрагментов) до слов: «Господь нашъ <...> рекль есть: „О дни же томъ и часъ никтоже вѣсть <...>“. Сему согласно святии пророцы и апостоли и святии отцы наши написаша». Далее статья продолжена фрагментом третьего «Сказания»: «Преже убо всех о сем рекль есть древний пророкъ праведный Енох сице. <...> На путехъ плачь и в домех рыдание на путехъ горе и в домех горе. Се убо пророческая и евангельская и апостольская и святого Ефрема писания». После чего следует еще несколько отрывков из второго «Сказания». Таким образом, читателю предлагается полноценный текст, заменяющий собой два отсутствующих в списке «Сказаний». Вариант статьи, представленный в списках ВМК, отличается только тем, что в нем отсутствует фрагмент третьего «Сказания». Получается следующее: «Господь нашъ <...> рекль есть: „О дни же томъ и часъ никтоже вѣсть <...>“. Сему согласно святии пророцы и апостоли и святии отцы наши написаша. Се убо пророческая и апостольская и святого Ефрема писания». Помимо того, что последнее предложение — единственное в списках ВМК, взятое из третьего, а не второго «Сказания», между ним и предпоследним предложением отсутствует логическая связь, а в предшествующем им тексте не цитируется св. Ефрем. Очевидно, что вариант «Того же прп. Иосифа сказания», содержащийся в ВМК, является сокращением статьи, включенной в Вол-137.

Безусловно, отмеченные особенности указывают только на знакомство переписчиков рукописей МДА-103 и Увар-910 с рукописью Вол-137 (или одним из ее списков в настоящее время неизвестным), но наши наблюдения, хотя и не позволяют ответить на вопрос о том, каким образом связаны сборник Агафона и волоколамский список, открывают новые факты в истории ВМК.

Литература

- ГИМ (Государственный исторический музей). Собр. Уварова. № 910.
 ГЛМ (Государственный литературный музей). Ф. 439 (Собр. Волоколамского монастыря). № 137.
 РГБ (Российская государственная библиотека). Ф. 173. I (Собр. Московской духовной академии). № 103.
 РГБ (Российская государственная библиотека). Ф. 304. I (Собр. Троице-Сергиевой лавры). № 736.
 Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII веков. СПб., 2002.

Историското оформување на морфолошкиот систем на македонскиот јазик

Д. Пандев

Универзитет «Св. Кирил и Методиј», Филолошки факултет «Блаже Конески» (Скопје, Македонија)

Summary. Historical Formation of the Macedonian Language Morphological System. The changes of morphological level in the Macedonian language can be set in tight connection with the changes of phonological, morphological, morphosyntactic and lexical level.

Суштествените јазични промени придонесле да се оформи засебен морфолошки систем на македонскиот јазик.

Засебниот морфолошки систем се јавува и како резултат на меѓузависноста на јазичните рамништа.

Промените на морфолошко рамниште можат да се постават во тесна врска со промените на:

— фонолошко рамниште (при што се имаат предвид и промените во вокализмот: особено промените поврзани со развојот на еровите и носовките, како и со изјаснувањето на јери и на јат, како и промените во консонатизмот, особено зацврстувањето на меките консонанти);

— морфонолошко рамниште (особено редувањето на вокалите и на консонатите);

— морфосинтаксичко рамниште (упростување на синтетичката дефлекција, и други процеси поврзани со преминаот од синтетизам кон аналитизам), како и на

— лексичко рамниште (процеси поврзани со адаптацијата на заемките во македонскиот јазик).

Промените во јазикот, особено на морфолошко рамниште, можат да се илустрираат со соодветни примери од старите македонски ракописи. Во тој поглед особено се карактеристични ракописите од македонската варијанта на црковнословенскиот јазик во периодот од 12 до 15 век.

Литургическая лексика в русских переводах домонгольского периода¹

Т. В. Пентковская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Литургическая лексика, переводы с греческого, лексические регионализмы

Summary. The present paper is devoted to the problem of the different translation of the liturgical terminology in Church Slavonic translations made in Kievan Rus'.

Литургическая терминология — это лексико-семантическая группа слов, связанных с христианским богослужением. К ней относятся названия евхаристического богослужения, служб суточного круга, названия отдельных элементов служб, песнопений, названия праздников, предметов церковной утвари и одежд священнослужителей, обозначения храма и его частей [Пентковский 2001: 87–90]. Совокупность литургических терминов, употребляемых в тексте, позволяет соотнести его с определенными переводческими традициями и в ряде случаев помогает локализовать памятник.

В докладе предполагается рассмотреть употребление литургической лексики в переводах с греческого языка, содержащих русизмы на различных уровнях языковой системы. Это перевод Жития Василия Нового (ЖВН) к. XI в. [Пентковская 2004] (данные ЖВН приводятся по словоказателю, составленному автором доклада), Жития Андрея Юродивого (ЖАЮ) нач. XII в. [Молдован 2000] и перевод Синаксаря (сентябрьской половины) к. XI — нач. XII в. [Синаксарь 2010]. Эти переводы принадлежат к различным группам памятников, содержащих лексические регионализмы: ЖВН и ЖАЮ относятся к числу собственно восточнославянских переводов, а Синаксарь входит в группу, сочетающую лексические русизмы и южнославянизмы. Внутри своей группы ЖВН стоит особняком, так как имеет особые черты, не совпадающие с характеристиками остальных представителей данной группы [Пичхадзе 2011: 67–109]. Синаксарь в настоящее время считается переводом, выполненным коллективом книжников в Древней Руси, в число которых могли входить южные славяне [Прокопенко 2009: 312].

В трех текстах имеются различия, связанные с переводом лексемы *ὁ ναός*. Так, в ЖАЮ используется севернославянский регионализм *вожьнѣца* при преобладании стандартного *църкы* [Молдован 2000: 84–85]. При этом словом *църкы* переводится также *ἡ ἐκκλησία*. В Синаксаре *ὁ ναός* переводится разными способами в зависимости от контекста: в значении христианского храма употребляется *църкы*, в значении места отправления языческого культа — *храмъ / храмѣна / тръѣнѣце*. Эта вариация входит в число случаев вариативности лексем, употребленных в переводе Синаксаря для передачи одних и тех же греческих слов [ср. Прокопенко 2009: 63–74]. Следует отметить, что в XIV в. лексема *храмъ* регулярно используется в соответствии с *ὁ ναός* в среднеболгарском переводе Норовской Псалтыри [Норовская Псалтырь 1989], так что, видимо, речь может идти о частичной преемственности славянскими переводчиками XIV в. ранней традиции в выборе лексического варианта. В ЖВН, в соответствии с общецерковнославянской традицией, слово *църкы* используется как для перевода *ἐκκλησία*, так и для перевода *ναός*. Ни в ЖВН, ни в ЖАЮ *храмъ* и производные не используются для обозначения культовых сооружений.

Примечательно, что при наличии регионализма *вожьнѣца* в ЖАЮ в соответствии с *ὁ ναός* для передачи *ὁ ναός* в этом тексте не используются однокоренные регионализмы, существовавшие в русской традиции, а трижды фиксирует-

ся лексема *прѣпъртъ*, известная церковнославянским источникам различного происхождения. Ср. *прѣвожьнѣць* в Студийско-Алексиевском уставе XI в. [Пентковский 2001a: 169], а также *прѣвожьнѣць* 'притвор', который встречается в сборнике XIV в. «Златая цепь» из собрания Троице-Сергиевой лавры (здесь он читается в двух древнерусских переводах толкований на литургию: «Слово св. Григория о литургии» и «Слово о церковном сказании» — сердечно благодарю Т. И. Афанасьеву за указание на эти источники) [СДРЯ XI–XIV, VIII: 354–355]. Возможно, на выбор переводчика в ЖАЮ в данном случае повлияла устойчивая общецерковнославянская традиция, а также то обстоятельство, что в греческом оригинале соответствующие слова не являются однокоренными.

ЖВН и ЖАЮ различаются при передаче значения 'совершать литургию'. Так, в ЖАЮ для обозначения этого действия дважды используется книжный грецизм *лѣтѣургѣнати*, известный в русской традиции в ранний период в таких источниках, как Троицкий Сборник XII / XIII вв., Рязанская Кормчая 1282 г., Пролог, «Златая цепь», Варсонофиевская Кормчая к. XIV в. [СДРЯ XI–XIV, IV: 406]. Глагол *слѣужити* (3 употр.) отмечается в ЖАЮ только вне литургического контекста. Лексемы *лѣтѣургѣнати* и *лѣтѣургѣнати* в ЖВН отсутствуют, в соответствии с глаголом *λειτουργεῖω* употребляет-ся славянский эквивалент *слѣужити*.

Анализ литургической терминологии позволяет установить область предпочтений древнерусских книжников в данной сфере и подтверждает вывод о принадлежности рассмотренных текстов разным переводческим центрам.

Литература и источники

- Молдован А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Чешко Е. В., И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в. Ч. 1–2. София, 1989.
- Пентковская Т. В. Древнейший славянский перевод Жития Василия Нового и его греческий оригинал // Византийский временник. 63 (88). 2004. С. 114–128.
- Пентковский А. М. Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне // «Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья». XX конференция памяти В. Д. Королюка: Сборник тезисов. М., 2001. С. 87–90.
- Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001a.
- Пичхадзе А. А. Языковые особенности переводных памятников письменности XI–XIII вв., содержащих восточнославянские лексические элементы. Дисс. ... доктора филол. наук. М., ИРЯ РАН, 2011.
- Прокопенко Л. В. Лингвотекстологическое исследование Пролога за сентябрьское полугодие по спискам XII — начала XV в. Дисс. ... канд. филол. наук. М., ИРЯ РАН, 2009.
- СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка. Т. I–VIII. М., 1988–2008.
- Синаксарь — Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь. Сентябрь-февраль. Т. I. Текст и комментарии / Изд. подгот. Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский; Под ред. В. Б. Крысько. М., 2010.

К вопросу о средневековой славянской поэзии (южнославянское и древнерусское «плетение словес»)

В. Д. Петрова

Чувашский государственный университет (Чебоксары, Россия)

Поэтический принцип организации текста, «плетение словес», орнаментальная проза, гимнография

Summary. Pletenije sloves in Old Russian hagiography is analysed as one of the medieval Slavonic poetry type. The source of these texts was hymnes and Old Testament poetical tradition.

Вплоть до недавнего времени тезис об отсутствии стихотворства (за исключением ранней книжной поэзии, осно-

ванной на силлабической симметрии) в древнеславянских литературах ареала Slavia Orthodoxa оставался доминирую-

¹ Работа осуществлена при финансовой поддержке РФГФ (грант № 11-04-00099а).

шим. Было принято считать, что поэзия составляла особенность только самой ранней славянской книжности, где она была представлена стихами, основанными на силлабической симметрии. С падением редуцированных эта книжная поэтическая традиция была утрачена. Однако современные исследования, особенно в связи с проблемами средневековой славянской гимнографии, неопровержимо свидетельствуют о наличии в средневековых славянских литературах оппозиции «проза — поэзия». Факт существования средневековой славянской поэзии, не ограниченной только старославянской книжной силлабической поэзией, можно считать доказанным. Самую значительную ее часть составляют литургические тексты. Кроме того, наряду с книжной силлабической поэзией и гимнографией, выделяется отдельными исследователями и третий тип — поэтические пассажи («фрагменты с поэтической ритмической организацией»), обособленные в качестве отдельного композиционного элемента) в риторических прозаических произведениях, прежде всего в агиографии и гомилетике (Станчев, Наумов).

Древнеславянское «плетение словес» традиционно рассматривается в рамках риторической (орнаментальной) прозы. Однако древнерусское «плетение словес» (образцом его является «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого), отличающееся особой организацией текста и интенсивным использованием приемов поэтической техники, позволяет поставить вопрос о возможности рассматривать «плетение словес» как один из видов средневековой славянской поэзии. Определение стиха в средневековой славянской книжности сопряжено с большими трудностями, усложняет задачу и то, что использование современных критериев может исказить картину (тем более что проблема разграничения поэзии и прозы остается дискуссионной и для самой современной литературы). Тем не менее один из самых важных критериев, используемый для определения современного стиха, может быть применен и для «плетения словес». Этот признак, «который собственно и делает стих стихом», — членение на сопоставимые и соизмеримые отрезки (Гаспаров). Соизмеримость строк является следствием использования основного ритмообразующего принципа, положенного в основу организации структуры текста жития — параллелизма, восходящего к ветхозаветной поэтической традиции. Последовательное использование многоуровневого параллелизма создает «вертикальное измерение» текста, которым поэзия отличается от прозы, имеющей только «горизонтальное измерение». Источником и образцом употребления поэтических приемов в житии являются ветхозаветные поэтические книги и византийско-славянская гимнография (особенно ярко это проявляется в повторах, составляющих специфику «плетения словес» Епифания).

Особенности использования графических средств в житии (знаков пунктуации) также свидетельствуют об ориентации на поэтические тексты. Как известно, в древнеславянских текстах пунктуация связана с коммуникативным синтаксисом, отражая актуальное членение (Осипов). Однако пунктуационные знаки имеют в древнеславянских текстах не только синтаксическую значимость. Их функция зависит от характера текста. В поэтических текстах их функция оказывается несколько иной — они прежде всего отражают ритмическое членение текста. В литургических текстах пунктуация связана с ритмической структурой текста: точки используются для сегментирования ритмических единиц. Пунктуация используется в таких текстах славянскими книжниками «преимущественно в интересах ритма» (Якобсон). Точка чаще обозначает конец стиха или цезуру (Якобсон, Панченко, Богданович, Трифунович, Мещерский, Кожухаров). Ориентация Епифания на принципы организации текста, присущие гимнографии, позволяет предположить, что им используются и графические средства в той функции, что характерна для литургических текстов. Характер употребления пунктуационных знаков в житии в определенной мере свидетельствует о том, что они прежде всего являются средством ритмического членения текста на соизмеримые единицы. Таким образом, текст жития членится на ритмико-синтаксические единицы (строки), обладающие интонационной и смысловой завершенностью, границы которых графически обозначаются преимущественно точками (очень редко запятыми).

Сам термин «плетение словес» (следует уточнить, что из всех книжников, чьи сочинения составляют корпус текстов, традиционно определяемых как «плетение словес», его использует только древнерусский агиограф) в славянской книжной традиции связан именно с поэзией (Чорович), с понятием о стихе и о пении (Станчев). Об устойчивости этой традиции свидетельствует тот факт, что именно так понимает «плетение» Евфимий Чудовский, книжник XVII в. Особенности организации текста тырновских книжников свидетельствуют о том, что южнославянское «плетение словес» остается в рамках орнаментальной прозы. Показательно, что болгарские книжники не обращаются к термину «плетение словес» для определения своего способа изложения (в «Похвальном слове Евфимию» Григорий Цамблак использует его по отношению к псалмопевцу Давиду — «ему же певец плета слово», что свидетельствует о восприятии этого термина и южнославянскими книжниками как связанного с поэзией).

«Плетение словес», в средневековой славянской книжной традиции относимое к поэтическому принципу организации текста, используется в этом же значении и Епифанием Премудрым, чье «Житие Стефана Пермского» представляет собой образец средневековой славянской поэзии.

Из историјске акцентологије српског језика: употреба двоструке варије у српским повељама од краја XIV и током XV века

В. Р. Поломац

Универзитет у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

Историјска акцентологија, српски језик, XIV–XV век

Summary. The aim of this paper is to investigate the use of the double grave accent in Serbian charters and letters dating from the end of the 14th century or the 15th century, mainly focusing on the following: (1) exploring the degree of consistency relative to the use of this accent in view of the birth and stabilization of the new type of orthography; (2) identifying the functional repertoire of this accent, most notably the labelling of vowel quantity in morphological categories; (3) establishing a clearer picture of the position of the vowel quantity in Serbian dialects on the territory of the medieval Despotate. The analysis we performed has shown that the double grave accent is mostly used in the corpus to (1) mark the logical accent of monosyllabic words, and (2) mark the accentuated or unaccentuated quantity in certain morphological categories indicating the general complexion of the medieval Kosovo-Resava dialect from before the shortening of the postaccentual quantity.

Двострука варија представља надредни акценатски знак пореклом из грчке екфонетске нотације који се, заједно са другим акценатским знаковима (обичном варијом, обичном и двоструком оксијом, периспомени), почиње систематскије употребљавати у српским средњовековним споменицима почев од друге половине XIV века у склопу тзв. „пред-

ресавске еволуције српског правописа“. Захваљујући труду неколико генерација научника, функција овога, али и других надредних акценатских знакова употребљаваних у овоме периоду, данас нам је углавном добро позната. Двострука варија употребљавала се (1) у функцији означавања вокалског квантитета, наглашеног и ненаглашеног;

и (2) у функции означавање логичког акцента у једносложним речима.

Досадашња истраживања употребе овога знака обухватала су углавном српскословенске рукописе, и то најчешће оне из периода од XII–XIV века. Световни споменици писани српским народним језиком испитивани су ретко, и то само у склопу шире заснованих истраживања правописа и језика. Наше истраживање требало би да пружи јаснију и прецизнију слику (1) о степену доследности употребе овога акценатског знака у перспективи рађања и стабилизације новог типа правописа; (2) о функцијама употребе овога знака, посебно о употреби у функцији означавања вокалског квантитета у одређеним морфолошким категоријама; и евентуално (3) о судбини вокалског квантитета у српским народним говорима са територије средњовековне Деспотовине.

Истраживањем је обухваћено укупно 70 повеља насталих између 1375. и 1476. године у канцеларијама господина Вука Бранковића, кнеза Лазара, деспота Стефана Лазаревића, деспота Ђурђа Бранковића и његових наследника (деспота Лазара и Стефана Бранковића и царице Маре).

Особенности ударного вокализма говорев ростово-суздальского ареала первой половины XVII в.

Ю. В. Смирнова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Историческая диалектология, ростово-суздальские говоры, отказные книги XVII в., ударный вокализм

Summary. Data from the manuscripts of the 17th century show that in the northern part of the Rostov-Suzdal area, there were dialects with the *ě-i* and *a-e* mergers in the stressed syllables.

Системы гласных фонем под ударением являются одной из важнейших характеристик для описания русских диалектов. Изучение памятников письменности позволяет выявить их особенности в говорах прошлого.

Под ростово-суздальским ареалом в данной работе понимается территория, относившаяся в XVII в. к Ростовскому и Суздальскому уездам, а также к северной (окающей) части Владимирского уезда.

Источниками для восстановления особенностей ударного вокализма являются следующие скорописные отказные книги, хранящиеся в РГАДА (ф. 1209, оп. 2): № 10755, лл. 1–665 (Ростовский уезд); № 11332, лл. 1–410; № 11333, лл. 1–191 (Суздальский уезд); № 12616, лл. 1–520; № 12617, 848 лл. (Владимирский уезд). Все рукописи датируются первой половиной XVII в. и ранее с целью фонетической реконструкции не изучались.

В исследованных памятниках имеются данные, позволяющие выделить ряд различий говоров южной (владимирско-суздальской) и северной (ростовской) частей рассматриваемой области.

Так, в записях из всех уездов есть замены *ѣ* на *е* и *е* на *ѣ* в ударном слоге, свидетельствующие о совпадении соответствующих фонем в звуке типа [е]. В суздальских рукописях имеются и редкие написания буквы *и* вместо *ѣ* перед мягкими согласными. В материалах же из Ростовского уезда случаи мены букв *ѣ* и *и* встречаются как перед мягкими, так и перед твердыми звуками: *мисто*, *владила*; *Дѣвѣриѣ*. Целый ряд написаний *и* на месте **ѣ* обнаружен у автора записей на лл. 219–239: *Посни^лко* *Лео^лтѣвѣвѣ*; *а угодыя у ни^лх нитѣ* *никоторого*, *пашии по^л нѣмъ нитѣ*, *пашии... в поле нитѣ*, *а сѣна и уго^ля нитѣ* *никоторого*; *запустило* ('запустило', 3 р.; у прочих писцов в этом глаголе регулярен суффикс *ѣ / е*), *что запустило до и^лх дозору*, *да в пусте перелозу запустило* (2 р.), *перелозу запустило* (2 р.), *запустило перелозу*, *пашии... запустило*; *и сина* и *лѣ^с* (хотя в данном случае ударение могло быть на окончании); *Заричье* (деревня), *по смите* (3 р.). Есть у него и замены на букву *и* в падежных флексиях местоимений и существительных (следует учесть, что они могут объясняться морфологически [Галинская 2002: 16]): *в ти^л* (5 р.); *в сели*, *в том же се^л*, *в то^л же двори* (5 р.), *по рѣки* М. п.; ср. также замену на *ы* после *ц*: *в то^л же се^лцы*.

На основу проведенног истраживања изведени су следећи закључци: (1) Двострука варија систематскије се употребљава у српским повељама почев од претпоследње деценије XIV века. Идући ка половини XV века запажа се постепено ширење употребе, међутим, ни у повељама из средине XV века не долази до потпуне стабилизације употребе овога знака. (2) Двострука варија најчешће долази у очекиваним позицијама, ознавајући наглашену или ненаглашену дужину или логички акценат једносложних речи. (3) Најинтересантније морфолошке категорије у којима се употребљава двострука варија су: ген. мн. именица, облици сложене придевске промене и облици 3. л. јд. и мн. презента. (4) Употреба двоструке варије у поменутиим категоријама указује на чување старог система наглашених и ненаглашених дужина у српским народним говорима са територије средњовековне Деспотовине у првој половини XV века: у питању је заправо, слика савременог косовско-ресавског дијалекта са дугосилазним акцентом на ултимим и нескраћеним поста акценатским дужинама у одређеним морфолошким категоријама.

Кроме этого, в документе встретились гиперкорректные написания буквы *ѣ*: *по^л нѣмъ* (2 р.); *по^л нѣми* (5 р.), *под нѣми*; *Дѣвѣрия Селу^лскаго*, *дѣвѣревско^л попѣ*; *Володѣмеровича* (2 р.). В других случаях буква *ѣ* в ударных слогах употребляется писцом правильно, есть лишь одна показательная замена на *е* (*у речки*).

Случаи мены *ѣ* и *и* иногда интерпретируются как отражающие произношение звука верхне-среднего подъема [ê] или дифтонга [ие] [Галинская 2002: 200–201]. Такая интерпретация применима к единичным примерам. Но представляется, что большое их количество, встретившееся у автора документа на лл. 219–239, скорее указывает именно на рефлексацию **ѣ* в звуке [и], причем в положении не только перед смягченными, но и перед твердыми согласными.

Еще одним отличием является рефлексация **а* под ударением между мягкими звуками. В исследованных текстах из Суздальского уезда и окающей части Владимирского уезда показательный пример произношения [е] лишь один: *не^л копень* (Влад. у.). В ростовских же записях встретилось большое количество замен *я / а* на *е* в этой позиции: *не^л десяти^л*, *не^л десятинь*, *не^лть десяти^л*, *не^лть десятинь*, *не^л мѣсть*, *не^л че^ли*, *не^л копе^л* (2 р.), *не^лть копень*, *не^лть путошеи*, *не^лть пу^лтошеи*, *сорокъ не^лть*, *два^лца^л не^л*, *два^лцать не^л*; *о^лцо^лско^л* и *деди ево помѣстья*, *о^лца ево да де^л ево помѣстья*, *да де^л ево не^лро^лско^л помѣстья*; *села Зачете^лцково*, *села Зачете^лко^л* (2 р.), *село Зачете^лское*, *в селѣ в Зачете^лско^л*, *в селѣ в Зачете^лско^л*, *зачетецко^л попѣ*, *Заче^ля* (4 р.), ср. *селу Зачате^лскому*, *в селѣ в Зача^леѣ*; есть и написание *ѣ* вместо *я*: *кр^лтъѣне*.

Таким образом, в рассматриваемый период в ряде ростовских говоров имелись иные по сравнению с владимирско-суздальскими диалектами системы ударного вокализма. Следует отметить, что свидетельств рефлексации **ѣ* в [и] и показательных замен *я / а* на *е* в ударных слогах не обнаружено и в рукописях из соседних Шуйского и Переславль-Залесского уездов [Ворошилова 1955: 5]; [Галинская 2002: 199; карта 4] (шуйский пример на *не^лть* не является показательным, так как ударение могло быть на предлоге [Ворошилова 1955: 5]).

Часть современных говоров на территории бывшего Ростовского уезда включается в состав владимирско-поволжской группы, остальные — относятся к костромским. При

этом изменение *ѣ в [и] перед твердыми им не свойственно, преобладает произношение [е], иногда отмечается [ѣ] [ДАРЯ: карта 40]. Звук [е] на месте ударного *а зафиксирован лишь единично [Там же: карта 43]. Вероятно, в первой половине XVII в. соответствующее явление было здесь более распространенным.

Наличие этих нетипичных рефлексов в диалектах XVII в. может быть связано с особенностями славянской колонизации междуречья Волги и Клязьмы, в частности, с древним присутствием здесь новгородского населения. По археологическим данным, эта область колонизировалась новгородскими словенями и южными кривичами. Считается, что новгородская волна является более ранней (IX–X вв.), а в XI–XII вв. она уже отходит на второй план [Дубов 1990: 20–23]. Новгородцы продвинулись до Ярославского Поволжья и ростовского озера Неро (одного из важных торговых узлов), следы их культуры отмечены и южнее [Там же: 22–23]; [ДАРЯ: карта I]. Такие черты, как изменение *ѣ в [и] и пе-

реход [а] в [е] (позже нивелировавшийся), были свойственны древненовгородскому диалекту; однако произношение [и] на месте *ѣ во всех позициях развилось в нем только к XIV в. [Галинская 2002: 19; 51–52]. Но можно предположить, что в говорах ранних переселенцев имелась предрасположенность к такому изменению (например, проявляющаяся в произношении дифтонга [ие] с усиленным первым компонентом), которая впоследствии реализовалась в некоторых говорах северной части ростово-суздальского ареала.

Литература

- Ворошилова Т. С. Из истории шуйских говоров XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.
 Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
 ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.
 Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX–XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5.

Префиксация позиционных глаголов в истории русского языка

Л. В. Табаченко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

Приставки, позиционные глаголы, история русского языка

Summary. Positional verbs with spatial prefixes do not retain direct meanings because of effective and spatial prefixes incompatibility with stable stems. These verbs were lost in the contemporary Russian language. As a result of semantic contamination from stems and context, prefixes develop new meanings, and modificational and mutational word formation types are formed. They are connected with so called “external” finiteness and are focused on the types of an action duration and on the animated part of an animate actant.

Комплексное исследование истории приставочных глаголов положения в пространстве относительно поверхности (позиционных глаголов) позволяет выявить важнейшие этапы развития внутриглагольного приставочного словообразования.

Развитие предельности и результативности у приставок и возникшее противоречие со стательностью основ привело к исчезновению словообразовательных типов (СТ) онтологически неопредельных позиционных глаголов с пространственными префиксами (*застояти, подстояти, надстояти, обстояти, пристояти, прѣдстояти* и др.): (1421): *Еще же и монастыри мнози обстоитъ вода...* (Новг. II лет.: 47 — СлРЯ XI–XVII вв., 12: 170–171); *Улучи Тиверьци сѣдяху бо по Днѣстру присѣдяху къ Дунаеву* (Лавр. лет.: 6, 1377 г.); *Но обаче престануть в тои год вѣтри и утишатся волны морьския, и егда алкион настѣдит ѿ днѣ, в ты бо точию днѣ изляжет птичица* (Климент Смолят.: 130, XV в. ~ XII в. — СлРЯ XI–XVII вв., 10: 240); *Выше же моря онога надлежитъ гора от неаже текутъ 12 источникъ* (Пов. Ам.: 7, XIV в. — Там же: 70); *Не слазяху съ стѣнь, но смр(ъ)ть пред очима видяше веселяху ся, и огонь и желѣза и камене пуцаху, но не усѣбша ничтоже.* (Флавий. Полон. Иерус. I: 228, XVI в. ~ XI в. — КДРС); *Хамови же яся полуденная страна Еюпетъ, Ефивопья прилежащая ко Индомъ* (Пов. врем. лет — Лавр. лет.: 1, 1377 г.).

Развитие внутриглагольной префиксации происходило на фоне вытеснения беспредложных форм предложными, что создало условия для переноса пространственной маркированности с глагола на имя существительное: *обстоять город — стоять вокруг города, пристояти прѣстолю — стоять у престола* и т. д. В качестве переходного этапа отмечены контаминированные конструкции, включающие приставочные позиционные глаголы и предложно-падежные формы имени существительного, напр.: *Есть бо мала гора надлежащая надъ манастырьмъ тѣмъ* (Ж. Феодос. Нест. — Усп. сб.: 55г, XII–XIII вв.); *Херувими и серафими окръст прѣстола обстоющъ.* [*cherubim et seraphim thronum circumstantes*] (Кн. Енохова, I: 19–20, XV в. ~ XIII в. — КДРС); (1263): *Пр<ѣ>м<у>др<о>сть... при вратѣхъ силн<ы>хъ присѣдитъ* (Лавр. лет.: 204, 1377 г.); (1174): *Остояна около города 9 недѣль* (Ипат. лет.: 576, ок. 1425 г.); *В восточнѣи же странѣ ес<тъ> иная самоедь каменская, облежит около югорьские земли* (Сл. чел. неzn. I: 235, XV в. — КДРС). В конструкциях с глаголами движения пространственно-предельная приставка сохранилась, т. к. могла сочетаться с этими

основами, при вытеснении беспредложных зависимых форм имени предложными. В то же время формы с абстрактно-объектными значениями продолжали выражаться беспредложными формами, в первую очередь формами винительно-го, дательного и родительного падежей.

Появление предложно-падежных синтаксем создало условия для освобождения приставок от обязательной функции обозначения пространственности, что стало базой нового витка в развитии приставочного глагольного словообразования. Новые значения приставок, омонимичные пространственным, развились в недрах результативности, т. к. в русском языке XI–XVII вв. круг результативных приставок был достаточно широким. При семантическом заражении от основ и контекста с возможным влиянием генетико-прототипического значения префикса развивались новые СТ — модификационные и мутационные (конец старорусского периода).

Например, следует полагать, что в древнерусских памятниках письменности у глагольной приставки *по-* модификационное делимитативное значение, не поддерживаемое контекстом, еще не сформировалось. В рамках общерезультативной семантики контекстуально могло реализовываться и значение делимитативности, обычно поддержанное соответствующим контекстом (с указанием определенной порции времени): *мало, нѣколко днѣи: И сѣде при пути... и посѣдѣвъ мало и узрѣв идуца ѿ мужа.* (Сказ. Агапия — Усп. сб.: 468, XII–XIII вв.); *И мало полежавъ [Феодосий] таче възрѣвъ на нѣо... рече: блѣгословенъ бѣ, аще тако естъ, то уже не бою ся.* (Ж. Феодос. Нест. — Там же: 130). Развитие собственно делимитативного способа действия исследователи относят к гораздо более позднему периоду — XVI–XVIII вв. (О. В. Кукушкина, М. Л. Ремнёва).

Мутационные СТ формируются в недрах старых СТ, маркированных пространственными приставками. Например, мутационный СТ «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом» сформировался на основе СТ «удалить(ся), выделить(ся) из чего-н., направить(ся) наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом». Основным механизмом трансформации в мутационные дериватов с пространственным экзотрическим значением явились наличие субъектного целеполагания и актуализация контекстом семы ‘получить’.

Динамика внутриглагольной префиксации демонстрирует определенные ступени отражения свойств субъекта в деривационных структурах. В древнейших пространственных

СТ актуализируются только физические свойства субъекта: материальное тело, локализованное в пространстве. Модификационные фазово-темпоральные СТ актуализируют процесс протекания, происходит перенос действия и его актантов во временные координаты, и значение предельности связывается с фазами этого процесса и квантами времени: *отстоять, достоять, постоять немного, простоять всю ночь* и под. Мутационные СТ базируются на активности субъекта и объекта, на их представленности в физиологическом, ментальном, социальном планах. Продуктивность

этих СТ («получить в результате какого-л. действия» — *выпросить, высидеть*; «пропустить, лишиться чего-л. в результате какого-л. действия» — *проспать обстановку, просидеть в кафе стипендию*) свидетельствует об ориентации словообразовательной системы на эти планы человеческой деятельности. Происходит семантическое усложнение субъекта, возможно выделение в нем сторон, могущих осознаваться как объект, создаются неисчерпаемые возможности для проявления новых результативных типов на основе словообразовательной мутации.

Лексико-стилистические средства выражения делового содержания в старопольских документах из «русского архива» Яна Петра Сапеги начала XVII в.

Н. А. Тупикова

Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия)

История польского языка, лексика, стилистика

Summary. In the report the lexico-stylistic analysis of various groups of Old Polish texts is given, letters, dispatches, instructions, messages and other documents from the Jan Peter Sapiega «Russian archives» of the “Time of Troubles” period among them.

Одной из актуальных задач, которые сегодня стоят перед славистикой, является изучение сохранившихся рукописных памятников письменности, что дает возможность ввести в научный оборот новые факты, подтвердить, уточнить или опровергнуть известные точки зрения на тенденции и пути формирования национальных славянских литературных языков.

Реконструированный волгоградскими учеными, историками и лингвистами, «русский архив» гетмана Я. П. Сапеги, одного из подданных Речи Посполитой, предводителя наемного войска Лжедмитрия II, включает памятники письменности, зафиксировавшие события Смуты начала XVII в., участники которых находились по разные стороны военного и политического противостояния. Бумаги из канцелярии сапежинского войска, донесения о военных операциях, переписка с воеводами и польскими подданными, официальные и частные послания, документы, освещающие роль в войне с Россией короля Сигизмунда III Вазы, действия самозванца и Марины Мнишек, др. лиц, архивные материалы, связанные, например, с обороной Троице-Сергиева монастыря, судьбой церковных иерархов и т. д., не только дают разноаспектное представление об исторических реалиях эпохи, но и содержат уникальные сведения о процессах развития полифункциональности языка на основе расширения сфер и способов использования «польщизны» в стилистически разнообразных контекстах для передачи светского содержания.

Осуществляемый впервые лингвистический анализ названного корпуса старопольских текстов свидетельствует о взаимодействии различных по семантико-стилистическому наполнению лексических единиц, что способствовало становлению и обогащению новой письменной традиции, усилению ее роли в культурно-языковой ситуации начала XVII века на фоне господствовавшей еще латыни в польском обществе.

В предпринятом исследовании выявляются источники книжной или разговорной стихии в связи с функциональной направленностью того или иного документа, определяются средства собственно делового письма, связанного с употреблением специальных и канцелярских слов, способы выражения официальных отношений, предполагающие использование своеобразных модально-стилистических элементов, сочетаний этикетного характера, приемы высокого, торжественного слога, сопровождающие изложение важных вопросов и значимых решений.

Интерпретация книжных контекстов направлена на выделение различного рода высказываний, насыщенных экспрессивно-эмоциональной тональностью, иносказательных оборотов, в составе которых лексические единицы подвергаются переосмыслению, расширяют свой семантический потенциал, приобретают смысловые «приращения», новую контекстуальную стилистическую окраску. Выделяются тексты, в которых зафиксированы средства выражения христианских воззрений и символов, апелляции к опыту предков.

Разграничиваются документы, лексическая содержательность которых отражает отвлеченно-декларативную риторику утверждений, пафос призывов и обещаний, и деловые бумаги, назначение которых имеет практический характер. Показана функциональная избирательность словоформ при использовании в значениях, реализующих специфику инперсонального и персонально ориентированного контекста в условиях различной экспликации субъекта-носителя предикативного признака (по способу представления в высказывании: определенного, ограниченного либо неограниченного в своей неопределенности, обобщенного, не выраженного и невозможного).

Анализ разговорных контекстов направлен на выявление иностилевых для деловой речи элементов, релевантных для не книжного, «простого», обиходного языка. Рассматривается употребление эмоционально-оценочной лексики, обуславливающее нарушение принципа объективности, фактологичности сообщения. Особо выделяются архивные источники, в которых зафиксированы элементы спонтанной экспрессии носителя польского языка (например, тайная записка Марины Мнишек, переданная в восковой свече из Калуги, донесение доверенного Яну Сапеге Эразма Бородича, частные письма Яну Петру Сапеге, сыск по делу об измене дворянина Г. Аргамакова и др.): средства субъективной оценки, устойчивые фразы пословичного характера, речевой этикет, не свойственный официальному общению, конкретные слова, сложившиеся формулы быденного языка и др. Включение «сырой» речи при оформлении делового, светского содержания документов расширяло системные связи рассматриваемых единиц и условия, при которых польская лексика обретала статус допустимой в письменном общегосударственном общении.

В процессе характеристики материала обращается внимание на функционирование общеупотребительной польской лексики, соотносимой с общеславянским словарным фондом; определяются ее семантико-стилистические особенности в контексте, роль в освещении событий, различных ситуаций, в описании дипломатических, военных и бытовых действий, связанных с отправкой и приемом посольств, проведением войсковых судов и собраний, объявлением наказаний, содержанием войска и выплатой жалованья, разбирательством имущественных споров, с характеристикой прав и свобод, поведения солдат с местным населением, отношений сапежинцев с польским королем и воеводскими властями.

Как продукт эпохи, архивные материалы являются свидетельствами непосредственных очевидцев событий эпохи Смутного времени. Лексико-стилистический анализ средств, используемых в данном корпусе текстов, дает представление о тех явлениях, которые получают своеобразную литературную обработку, нормирование в сфере деловой письменной коммуникации на начальном этапе формирования польского литературного языка. Названные процессы со-

здавали предпосылки восприятия польской речи как «престижной», закрепляющейся в стереотипах поведения языковой личности, существующей в данном языковом пространстве, в условиях общения на данной территории, временной

и географической определенности. Это, в свою очередь, указывает на возрастающую в XVII веке роль самобытных языковых традиций в культурной жизни польского народа, усиление тенденции к этническому единству.

Две текстологические группы списков южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого

Д. Б. Тюняева

Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации (Москва, Россия)

Перевод, список, текстология, лексика, синтаксис

Южнославянский перевод Жития Андрея Юродивого был создан в XIV веке. Это второй полный перевод Жития, по происхождению не связанный с древнерусским переводом. Он восходит к редакции греческого текста, отличной от той, с которой был сделан древнерусский перевод.

Известны девять списков южнославянского перевода. Настоящее текстологическое исследование основывается на данных шести списков: 1) список РГБ, ф. 236, собрание А. Н. Попова 76. Болгарский, кон. XIV в. (далее П. 76); 2) список РНБ, ф. 182, собрание А. Ф. Гильфердинга 41. Сербский, 2-я четверть XV в. (далее Гильф. 41); 3) список РГБ, ф. 270, Сев. П. 38. Сербский, 1-я половина XV в. (далее Сев. 38); 4) список ГИМ, собрание И. Е. Забелина 73 (172). Русский, конец XV — начало XVI в. (далее Заб. 73); 5) список РНБ, ф. 728, Соф. 1286. Западнорусский, сер. XVI в. (далее Соф. 1286); 6) список ГИМ, собрание А. И. Хлудова 238. Сербский, XVI в. (далее Хлуд. 238).

Текстологическое изучение списков дает основание предполагать существование, по крайней мере, двух текстологических групп южнославянского перевода.

Первая текстологическая группа представлена списками П. 76, Гильф. 41, Хлуд. 238. В сербском списке Хлуд. 238, за исключением нескольких утраченных листов в середине рукописи, представлен полный текст Жития, в отличие от болгарского списка П. 76, который представляет собой собрание отдельных эпизодов. Текст списка Гильф. 41 неполный, заканчивается беседой Андрея с Елифаном. В списках данной группы встречаются региональные южнославянские слова, которым в списках другой группы соответ-

ствуют общеславянские. Так, к региональным вариантам могут быть отнесены слова *овлачѣ* — совр. болг. *облекло* ‘одежда, платье’, по *прилчавъ* — болг. диал. *прилука* ‘удобный момент, случай’ (ср. сербск. *прилика* — ‘возможность, случай’), *шегъжъ* — совр. болг. *шегувам се* ‘шутить, насмеяться, подтрунивать’. В списках другой группы им соответствуют слова *одежда*, по *случаю*, *глочмитиса*. Вероятнее всего, отмеченные лексические различия возникли на славянской почве; характер различий зависит от той языковой среды, в которой создавался соответствующий список. Учитывая тот факт, что в процессе правки региональная лексика обычно заменяется общеславянской, можно предполагать, что списки данной группы лучше сохраняют исконные чтения и представляют, видимо, более раннюю редакцию южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого. В списках данной группы в соответствии с греческим текстом последовательно используются конструкции с субстантивированным инфинитивом, отсутствующие в списках другой группы, что также может свидетельствовать о сохранении аутентичных чтений.

Во вторую текстологическую группу объединяются списки Сев. 38, Заб. 73, Соф. 1286, которые в текстологическом и лексическом отношении близки друг к другу. Обнаруженные вставки, пропуски и замены не являются основанием для отнесения данных списков к разным редакциям.

Для иллюстрации различий между списками, восходящими, предположительно, к разным текстологическим группам, можно привести отрывок из списков Хлуд. 238, Заб. 73 и Соф. 1286:

Хлуд. 238	Заб. 73	Соф. 1286
и пакъзи в дрѹгѹю ноцѣ зрѣть себе на позорѣци некоемъ стоецѣ еже глѣтесе нпподромне и іако тамо стоещи не начеть цѣловати тамо стоещне идолъ въ дрѹгѹю ноцѣ зрѣть пакъзи себе іадрѹщѣ жавъзи, коѣа же смока коѣа ли миша и ннзи различнзи гадъзи и ннзими многими мѣчтаними мѹчнми бѣ вѣданнаа сна слаѣка никакоже вѣкочити можаше оутесниши се оубо проче и не имѣши что сѣтвори начеть поститисе и къ матвѣ прилежати и млити бѣ вѣкоѹ сѣа прилѹчншесе не (220–220 об.)	и пакъзи въ дрѹгѹю ноцѣ видѣ себе стоѹщи на позорѣци коньскаго ристанѣа и цѣловѹющѣ тамошнаа идолъ распалаема къ вѣннѣ похоти еже вѣзѣти с ними пакъзи же видѣ фѣа похитивша ю и вѣгѹюща и пакъзи видѣ сева жаба оугрѣзѹющею овогда же смока овогда мѣши и горшаа сѣи сими вѣданнаа себе нѣдѣщи и сна слаѣка не вѣннѣ сѣзживши си оубо не имѣше что сѣтворити начѣ матвѹю и постѣ себе оупранати и челоуѣколюбца бѣа молити показати еи вѣкѹдоу таковаа на ню напѣша (94–94 об.)	и пакѣ въ дрѹгѹю ноцѣ видѣ себе стоѹщи на позорѣци коньскаго ристанѣа и цѣловающѣ тамошнаа идолъ распалаема къ вѣннѣ похоти ѣ вѣзѣти с ними пакѣ видѣ пѣа похѣтивша ю и вѣгѹюща. и пакѣ видѣ себе жабоу іадрѹщѣво овогда смока овогда мѣшиа и горшаа сѣхѣ. сими вѣданнаа себе поудѣщи и сна слаѣка не оучннѣши стоѹживши си оубѣи и не имѹщи что сѣтворити начѣ молѣбми и постѣ себе оупражнати и челоуѣколюбца бѣа молити показати еи вѣкоѹдоу таковаа тоу напѣоша (67 л.)

Таким образом, учитывая особенности различий между списками на текстологическом, синтаксическом и лексическом уровнях, можно с уверенностью говорить о противопоставленности списков П. 76, Хлуд. 238, Гильф. 41 спискам Сев. 38, Соф. 1286 и Заб. 73 и о существовании, по крайней мере, двух текстологических ветвей южнославян-

ского перевода Жития Андрея Юродивого. На отличительные особенности сербского списка Хлуд. 238 указывал А. Н. Попов: «Разсматриваемый сербский список сего жития представляеть такіа отличія въ языкѣ, что можетъ быть признанъ за самостоятельный переводъ».

Украинский литературный язык XVI–XVII вв.

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Ужгород, Украина)

Гомогенное многоязычие, церковнославянский язык, ‘проста мова’, польский язык

Summary. Features of the Ukrainian literary language, which is formed in a language situation in XVI–XVII centuries, are considered in the report. The author describes a material of monuments confessional maintenance of Southwest Russia.

1. В XVI–XVII вв. для Юго-Западной территории восточных славян господствующим было наименование *Русь*, а язык назывался *русьским*. Слово *Украина* ещё только приобрета-

ло географическое значение, окончательно утвердившееся после Богдана Хмельницкого [Огієнко 2004: 162, 166–167]. Указанная территория характеризовалась сложным линг-

вистическим ландшафтом, обусловленным тем, что здесь смыкались греко-славянский и славяно-латинский миры. Языковую ситуацию в этом регионе Н. И. Толстой определял как гомогенное многоязычие, которое под влиянием латинского и немецкого языков переходило в гетерогенное многоязычие [Толстой 1988: 51]. Складывающийся в Юго-Западной Руси литературный язык испытывал сильное влияние не только со стороны церковнославянского языка, но зачастую ещё большее — со стороны языка польского. И хотя югозападные религиозные деятели (И. Вышенский, И. Кунцевич и др.) считали, что церковнославянский (славенский) язык уже в конце XVI в. был в запущенном состоянии, тем не менее именно здесь была издана первая восточнославянская Библия — Острожская, ставшая для православного славянства авторитетным выразителем основ их вероучения. Эта Библия воспринималась и как образец языковой нормы. В докладе дано сравнение форм глаголов и причастий в отрывках из Остромирова Евангелия и Острожской Библии, показывающее, что различия между этими памятниками имеют преимущественно графико-орфографический характер и почти не затрагивают их лексическую и грамматическую системы.

2. Церковнославянский язык противопоставлялся зарождающемуся украинскому литературному языку не как его стилистический вариант, а как «окреме явище» [Русанівський 2001: 100]. Это хорошо видно в переводах богослужебных книг на так называемую ‘простую мову’ — книжный (литературный) язык, возникший на основе делового языка Юго-Западной Руси. Выдающимся образцом ‘простой мовы’ является язык Пересопницкого Евангелия. Имеющееся в докладе сравнение текста Притчи о блудном сыне (Евангелие от Луки) из Остромирова Евангелия и Острожской Библии, с одной стороны, и из Пересопницкого Евангелия, с другой, показывает, что в ПЕ достаточно последовательно представлены особенности украинского языка XVI в. Так, в ПЕ формам аориста и имперфекта обычно соответствуют так называемые л-формы (ОЕ *раздѣли* / ОБ *раздѣли* / ПЕ *розделиль*; ОЕ *ѣдѣахъ* / ОБ *дѣахъ* / ПЕ *ѣдали*), формам причастий — деепричастия с суффиксами *-учи*, *-вши* или л-формы (ОЕ *живы* / ОБ *живы* / ПЕ *живоучи*; ОЕ *призѣвавъ* / ОБ *призѣвавъ* / ПЕ *призѣвав’ши*; ОЕ *грады* / ОБ *грады* / ПЕ *шоль*) и др.

3. Разговорный субстрат ‘простой мовы’ подвергся окнижению за счёт не только славянизации, но и полонизации. Например, церковнославянский язык в тексте Требника Петра Могила последовательно отражает нормы, утвердившиеся в период «второго южнославянского влияния», а предисловие к Требнику (Передмова) написано ‘простой мовой’ с большим количеством полонизмов (*алѣш*, *варзш*, *ведѣлѣгъ*, *власнои*, *вѣршгъ*, *завобонъ*, *лацнш*, *моци*, *незычѣ*, *шлюбныхъ* и многие другие). Различие норм церковнославянского языка и ‘простой мовы’ в докладе показано на примере структуры причастий, а также орфографии имён существительных с суффиксом *-ниѣ*. В Предисловии зафиксированы следующие формы: *вѣдѣучи*, *вѣдѣючи*, *держачисѣ*, *памѣтаючи*; *сѣдержачиѣ*, *спротивляючиѣ*; *набывши*; *выпроваженю*, *заживана*, *пытана*, *по пороженю*, *вдправоване*, *оуживаню* и др. В тексте Требника представ-

лены нормативные формы церковнославянского языка: *имѣа*, *исповѣдал*, *пріемлаа*, *прилагаа*, *вставлаа*, *дѣйствѣючи*, *вѣрѣтаючиѣ*, *прислѣшаючи*; *вниманіѣ*, *дѣйствованіѣ*, *впасеніѣ*, *раздрѣшеніѣ*, *слѣженіѣ*, *оуслышаніѣ* и др.

4. ‘Проста мова’ не отличалась строгой нормативностью. В докладе это положение проиллюстрировано лексическими и грамматическими разночтениями между Пересопницким Евангелием, с одной стороны, и Евангелиями Учительными 1619 г. (Евангелие Транквилиона) и 1638 г. (Евангелие Киево-Печерской лавры), с другой: ПЕ *нѣкоторыи* / ЕУ–1619 *нѣкѣи* / ЕУ–1638 *нѣкѣи*; *оучиниль* / *сотвори* / *сѣтворил*; *великою* / *велию* / *велию*; *проси[а]* / *зва* / *зва*; *ворзо* / *скоро* / *скоро*; *на рынокъ* / *на распѣтїа* / *нараспѣтїа*; *на оулицѣ* / *мѣстѣцькыи* / *и стогны града* / *истогны града*; *оубоги* / *и ниціа* / *ниціа* и др.

5. После «второго южнославянского влияния» оформляются особые нормы церковнославянского языка Московской Руси, где был единственный книжный центр, и Руси Юго-Западной, имеющей несколько культурных центров — Киев, Вильна, Львов, Острог и др. Югозападная норма отличается меньшей степенью унифицированности, чем великорусская норма. В докладе используются материалы московских Евангелий Учительных 1652 и 1681 гг., разночтения между которыми касаются в основном орфографии, в отличие от указанных выше югозападных Евангелий Учительных. Если тексты московских ЕУ–1652 и ЕУ–1681 полностью сопоставимы, то в югозападных Евангелиях Учительных можно сопоставлять только фрагменты из канонических Евангелий. Толкования этих фрагментов полностью различаются, при этом даже в отрывках из канонических Евангелий встречаются не только орфографические (*и стогны* / *истогны*), лексические (*мовачи* / *рече*), грамматические (*многи* / *многихъ*; *до раба* / *рабѣ*), но и текстологические разночтения. Большинство юго-западных особенностей, отмеченных в языке Евангелий Учительных 1619 и 1638 гг., не зафиксированы в московской редакции церковнославянского языка.

Таким образом, украинский литературный язык XVI–XVII вв., который принято называть ‘простой мовой’, испытывая сильное влияние церковнославянского и польского языков, не отличался высокой степенью стандартизации.

Литература

- ЕУ–1619 — Евангелие Учительное Кирилла Транквилиона. Рохманов, 1619.
 ЕУ–1638 — Евангелие Учительное. К., 1638.
 ЕУ–1652 — Евангелие Учительное. М., 1652.
 ЕУ–1681 — Евангелие учительное. М.: Печатный двор, 1681.
Могила Петр. Требник. К., 1996.
Огієнко І. (митрополит Ларіон). Історія української літературної мови. 2-ге вид. К., 2004.
 ОБ — Острожская Библия: [http://www.booksgid.com/other/12102.html].
 ОЕ — Остромирово Евангелие. М., 1988.
 ПЕ — Пересопницке Євангеліє 1556–1567. К., 2002.
Русанівський В. М. Історія української літературної мови. Підручник. К., 2001.
Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

О редакциях первого перевода Толкового Евангелия от Марка Феофилакта Болгарского

Е. В. Фёдорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Толковое Евангелие, редакции, лингвистические особенности

Summary. The paper is devoted to the linguistic research of the redactions of the Gospel of Mark with commentaries by Theophylact of Bulgaria.

В русской традиции существует два перевода ТЕФБ. Первичный перевод ТЕФБ выделяют в особую редакцию — так называемый «толковый текст», в своей основе имеющий позднюю разновидность древнего текста со следами преславского влияния [Евангелие от Иоанна... 1998: 12]. На

древнерусскую среду как на возможное место возникновения перевода указывают некоторые лексические регионализмы [Алексеев 1999: 179]. ТЕ от Марка переводилось на славянский язык лишь единожды, однако изучение рукописей показывает, что варианты чтения списков образуют

две редакции перевода ТЕФБ от Марка: ТЕ–1а — собственно первичный перевод, выполненный до 1117 г., и ТЕ–1б — текст, подвергшийся правке по афонской редакции.

Чтение списков ТЕ–1а является первичным по отношению к ТЕ–1б: они лучше сохраняют чтения архетипа и более последовательны при передаче греческого оригинала в толкованиях. Кроме того, в более поздних списках появляется смешанная редакция, представляющая собой контаминацию ТЕ–1а и ТЕ–1б: в списке могут присутствовать особенности обеих редакций ТЕ–1 как в виде некоторых единичных вкраплений на уровне отдельных языковых единиц, так и в виде чередования фрагментов текста двух редакций.

В ТЕ–1а употребляется как преславская, так и охридская лексика, однако преславизмы преобладают. Чертой древнего текста, который был взят в качестве дополнительного источника при переводе греческого оригинала, является не до конца устранённая передача $\tau\acute{\iota}\varsigma$ как $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$. Ориентирование на древнюю традицию (и в этом сходны также чудовская и афонская редакции) проявилось в переводе $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ как $\kappa\sigma\mu\epsilon$. Новшеством явилась попытка разграничить синонимические местоименные лексемы, что нашло выражение в недостаточно последовательном употреблении $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ в соответствии с греческим $\epsilon\tau\epsilon\rho\varsigma$. Примечательным является поморфемный перевод составного местоимения $\theta\omicron\tau\iota\varsigma$ как $\eta\kappa\epsilon$ кто вместо традиционного $\eta\kappa\epsilon$. Последние два принципа являющиеся отличительной особенностью не только ТЕФБ, но и чудовской редакции евангельского текста, которая довела их до логического завершения, устранив непоследовательность, отражённую в ТЕ–1а.

В списках ТЕ–1б обнаруживается большое число лексических замен, направленных на устранение специфических особенностей преславского влияния в ТЕ–1а. Так, например, в РГБ № 109 (ТЕ–1а) читаем: Мр. 5: 38–39 $\eta\ \delta\omicron\mu\omicron\varsigma\ \epsilon\ \delta\omicron\mu\omicron\varsigma\ \sigma\tau\alpha\rho\tau\eta\sigma\iota\varsigma\ \sigma\upsilon\beta\omicron\rho\omicron\upsilon$. $\eta\ \epsilon\upsilon\delta\epsilon\ \tau\epsilon\ \pi\lambda\iota\upsilon\sigma\tau\eta\varsigma$. $\pi\lambda\alpha\upsilon\upsilon\sigma\tau\eta\varsigma\ \eta\ \kappa\lambda\iota\upsilon\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ много . $\eta\ \epsilon\upsilon\sigma\eta\ \eta\ \Gamma\alpha\lambda\lambda\ \eta\mu\epsilon\ \cdot$ что $\pi\lambda\iota\upsilon\sigma\tau\eta\varsigma$ $\eta\ \pi\lambda\alpha\upsilon\epsilon\tau\epsilon$ (л. 243 об.). В списке РГБ № 108 (ТЕ–1б) преславские лексемы устраняются: $\eta\ \pi\upsilon\rho\iota\delta\epsilon\ \epsilon\ \delta\omega\ \delta\upsilon\chi\eta\sigma\iota\sigma\eta\ \alpha\gamma\omicron\gamma\omicron\upsilon\zeta$ $\eta\ \epsilon\upsilon\delta\epsilon\ \tau\epsilon\ \mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\zeta$ $\eta\ \pi\lambda\alpha\upsilon\upsilon\sigma\tau\eta\varsigma\ \eta\ \kappa\upsilon\eta\upsilon\alpha\sigma\eta$ $\eta\ \mu\eta\gamma\omicron$ $\eta\ \epsilon\upsilon\sigma\eta\ \eta\ \Gamma\alpha\lambda\lambda\ \eta\mu\epsilon$. что $\mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\zeta$ $\eta\ \pi\lambda\alpha\upsilon\eta\tau\epsilon\varsigma$ (л. 283), что совпадает с чтением евангельских текстов афонской редакции. При этом чтение $\kappa\lambda\iota\upsilon\tau\eta\sigma\iota\varsigma$, содержащееся в ТСЛ 109, совпадает с чтением древней редакции евангелия, в противоположность преславскому чтению $\kappa\upsilon\eta\upsilon\alpha\sigma\eta$ и афонскому $\kappa\upsilon\eta\upsilon\alpha\sigma\eta$ [Воскресенский 1894: 180–181].

Кроме того, яркой отличительной чертой списков ТЕ–1а является наличие в них инфинитивных конструкций с предлогом (в частности, используется калькированная греческая модель $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\upsilon\epsilon\ \ +\ \text{inf.}$), которые в ТЕ–1б могут сохраняться лишь в толкованиях, подвергшихся правке в меньшей степени, чем основной текст. Ещё одна черта, присущая протографу ТЕ–1а, — пословная, устраняющаяся в ТЕ–1б: Мр. 3: 7 $\kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\lambda\omicron\upsilon\ \pi\lambda\eta\theta\omicron\varsigma\ \alpha\pi\omicron\ \tau\eta\varsigma\ \Gamma\alpha\lambda\lambda\alpha\iota\alpha\varsigma\ \eta\ \kappa\omicron\lambda\omicron\upsilon\theta\eta\tau\omicron\upsilon\sigma\alpha\upsilon\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$: РГБ 109 $\eta\ \mu\eta\gamma\omicron$ $\mu\eta\kappa\eta\sigma\tau\eta\upsilon\ \omega\ \Gamma\alpha\lambda\lambda\ \epsilon\upsilon\alpha$ $\pi\omicron\sigma\lambda\ \epsilon\ \delta\omicron\upsilon\alpha\upsilon\sigma\eta\ \epsilon\mu\epsilon$ (л. 228 об.) — РГБ 108 $\eta\ \mu\eta\gamma\omicron$ $\mu\eta\kappa\eta\sigma\tau\eta\upsilon\ \omega\ \Gamma\alpha\lambda\lambda\ \epsilon\upsilon\alpha$ $\pi\omicron\ \eta\ \epsilon\ \delta\omicron\upsilon\epsilon$ (л. 270). Обратим здесь также внимание на перевод лексемы $\tau\omicron\ \pi\lambda\eta\theta\omicron\varsigma$:

в ТЕ–1а разграничиваются таким образом две синонимичные греческие лексемы: $\acute{o}\ \delta\omicron\chi\lambda\omicron\varsigma\ \eta\mu\epsilon\theta\omicron\varsigma$ 'народ' и $\tau\omicron\ \pi\lambda\eta\theta\omicron\varsigma$ множество 'толпа', в списках же ТЕ–1б восстанавливается кирилло-мефодиевская норма перевода данной греческой лексемы, нормализованная афонской редакцией. Редакция ТЕ–1б представляет собой целенаправленную редактуру, направленную на отказ от архаизмов и устранение наиболее выделяющихся локальных черт и буквализма, присущих архетипу перевода (так, аорист $\kappa\epsilon\tau\alpha$ заменяется на $\rho\epsilon\upsilon\epsilon$, грецизм $\sigma\eta\mu\alpha\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ правится на $\gamma\omicron\rho\omicron\upsilon\sigma\eta\mu\eta\ \eta\ \mu\eta\gamma\omicron$, устраняется лексема $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ в соответствии с греческим $\tau\iota\varsigma$, сохраняются лишь некоторые преславские варианты и т. д.). Списки ТЕ–1б содержат в основном общецерковнославянскую лексику, в выборе из двух лексических дублетов тяготея к консервативной западноболгарской традиции (например, в выборе лексем $\pi\lambda\alpha\upsilon\sigma\tau\eta\varsigma$, $\pi\lambda\alpha\upsilon\eta\tau\epsilon\varsigma$ — в отличие от ТЕ–1а, где им соответствуют $\kappa\alpha\gamma\eta\eta\eta\eta\eta$ и $\pi\omicron\eta\eta\eta\eta$), синонимическое варьирование сведено к минимуму.

Набор лексических грецизмов в переводе ТЕ от Марка был расширен, причём некоторые из них не характерны ни для древней, ни для афонской редакции (напр., $\omicron\upsilon\kappa\sigma\omicron\upsilon\zeta$, $\sigma\eta\mu\alpha\tau\eta\sigma\iota\varsigma$, $\delta\eta\kappa\sigma\omicron\zeta$, $\rho\omicron\tau\eta\zeta$, $\kappa\epsilon\tau\eta\mu\eta\delta\alpha$ в ТЕ–1а и их славянские эквиваленты в ТЕ–1б). При этом в ТЕ–1а были устранены некоторые древние грецизмы (так, в выборе между грецизмом и преславизмом в ТЕ–1а предпочтение отдаётся преславизму, калькирующему структуру греческой лексемы [$\sigma\tau\alpha\rho\tau\eta\sigma\iota\varsigma\ \sigma\upsilon\beta\omicron\rho\omicron\upsilon$ вместо $\delta\upsilon\chi\eta\sigma\iota\sigma\eta\ \alpha\gamma\omicron\gamma\omicron\upsilon\zeta$]), что соответствует восточноболгарскому узусу, — восстановленные, однако, в ТЕ–1б. В то же время в ТЕ–1б появляются новые грецизмы ($\delta\lambda\epsilon\kappa\tau\omicron\rho\zeta$, $\delta\eta\delta\eta\delta\eta\mu\alpha$), кодифицированные афонской редакцией и отсутствующие в ТЕ–1а.

Таким образом, по своим лингвотекстологическим характеристикам списки ТЕ–1б отражают правку в соответствии с языковыми предпочтениями, выработанными в XIV в. на Афоне, однако, по всей видимости, без привлечения греческого оригинала: это следование древнему тексту и сочетание отдельных лексем, известных предшествующим традициям.

Если говорить о евангельском тексте и его отношении к толкованию, то в ТЕ–1а имеется ряд совпадений как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. В ТЕ–1б стабильным текстом является именно евангельский текст, так как нередки случаи, когда правке подвергаются только фрагменты основного текста. Таким образом, для восстановления чтений архетипа перевода большее значение имеют толкования.

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
 Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырёх редакций рукописного апостольского текста с разнотечиями из ста восьми рукописей апостола XI–XVI вв. М., 1894.
 Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Издание подготовили А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб., 1998.

Проблема слов иностранного происхождения в истории словакистики

Е. А. Фурсина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Лексика иностранного происхождения, первые кодификации словацкого языка, туристические тенденции, обобщающий уровень

Summary. This work investigates the issue of words of a foreign origin in the Slovakist's writing ranging from the end of the 18th century A. D. to the beginning of the 21st century A. D. Here I consider several attitudes towards the words of foreign origin and how they evolved with time. Special attention is paid to the role of the Bohemianists in the Slovak literary language. The main goal of the work was to trace the dynamics of perception of foreign words. The work is concluded with an overview of different stages in the study of Slovak vocabulary.

Научное изучение лексического состава словацкого литературного языка началось в конце XVIII в. Первоначально оно было связано с практической задачей его кодификации и нашло воплощение, прежде всего, в монументальной работе первого кодификатора А. Бернолака — шеститомном «Словаре словацко-чешско-латинско-немецко-венгерском», изданном после смерти автора в 1825–1827 гг. [Bernolak 1825]. Материал названного словаря показывает, что А. Бер-

нолаку пришлось решать сложную задачу кодификации слов иностранного происхождения, среди которых выделялись генетические богемизмы, которые далеко не всегда можно отделить от слов словацкого происхождения. В связи с этим, с одной стороны, в лексический состав словацкого литературного языка вошло немало их количество, что представляется естественным, если учесть основу этого языка [Лифанов 2011], а с другой — очевидно стремление

А. Бернолака заменить чешские слова на словацкие. Аналогично отношение кодификатора и к словам латинского, венгерского и немецкого происхождения, многие из которых он помечает как простонародные, диалектные или устаревшие.

В кодификации Л. Штура [Štúr 2006] значение лексического состава отодвигается на второй план, поскольку ее автор считал, что кодифицировать в первую очередь необходимо звуки и формы, а лексемы для языка являются в значительной степени нерелевантными. В связи с этим кодификация лексического состава словацкого литературного языка становится первоочередной задачей только в XX в. Задача эта была выдвинута С. Цамбелом [Czambel 1903], который считал, что необходима его реальная словакизация либо путем замены богемизмов словами народной речи, либо придания им словацкого фонетического облика. Подход к лексическому составу словацкого литературного языка, обозначенный С. Цамбелом, становится характерным для редакторской практики первых двух десятилетий XX в.

Особенно остро вопрос о заимствованных словацким языком словах встал в 30-е гг. XX в. в связи с принятием «Правил словацкого правописания с орфографическим словарем» [Pravidlá 1931], ориентированных на чешский язык. Реакцией на их публикацию стало основание в 1932 г. журнала «Словенска реч», авторы которого намерены были продолжать традиции, заложенные С. Цамбелом, и давали конкретные рекомендации замены богемизмов и, в меньшей степени, германизмов и мадьяризов на исконно словацкие слова.

Во второй половине XX в. наблюдается процесс перехода авторов от рассмотрения конкретных вопросов к обобщающему изучению заимствованной лексики и проблемам теоретического характера. Исследователи продолжали уделять особое внимание заимствованиям из чешского языка. Так, например, Й. Мистрик классифицирует чешские заимствования по стилистической шкале [Mistrík 1989], К. Габовштякова проследживает судьбу чешских заимствований в разных кодификациях словацкого языка [Habovštiaková 1987], в работах К. Бузашшиовой (Buzássyová 1993) и М. Соколовой [Sokolová 1995] вводится новый термин «контактный вариант» для обозначения языковых средств чешского языка, которые используются словацким языком в результате взаимных контактов и т. д.

В последние десятилетия стал издаваться «Краткий словарь словацкого языка», выходящий с периодическими вносимыми в него коррективами, относящимися, в том числе, и к изменению стилистических характеристик заимствованной

лексики вплоть до выведения отдельных лексем из его состава, и выполняющий роль труда, кодифицирующего словацкую лексику.

На основании исследованного материала периодизация изучения лексического состава словацкого языка представляется следующей:

- *конец XVIII — 40-е гг. XIX в.* — первая кодификация словацкого литературного языка А. Бернолака, который решал проблему слов иностранного происхождения, исходя из практических задач кодификации;
- *40-е гг. XIX в. — начало XX в.* — кодификация Л. Штура, который отдавал предпочтение кодификации фонетики и морфологии, а кодификацию словарного состава словацкого литературного языка считал второстепенной;
- *начало XX в. — 20-е гг. XX в.* — доминирование подхода С. Цамбела к лексическому составу словацкого литературного языка;
- *30-е — 40-е гг. XX в.* — противоборство двух подходов к характеру развития словацкого литературного языка, выражавшееся главным образом при рекомендации употребления отдельных лексем;
- *со второй половины XX века* — выход словацких лингвистов на уровень обобщения и теории при рассмотрении проблематики заимствованной лексики.

Литература

- Лифанов К. В. Словацкие диалекты и бернолаковщина // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. М., 2011. С. 289–291.
- Bernolák A. Slovár Slowenský Česko-Lat'insko-Ľemecko-Uherský. Budae Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825–1827.
- Buzássyová K. Kontaktové varianty a synonymá v slovenčine a v češtine // Jazykovedný časopis. 44. 1993. 2. S. 92–107.
- Czambel S. Slováci a ich reč. Budapešť, 1903.
- Habovštiaková K. Slovná zásoba spisovnej slovenčiny z vývinového hľadiska. Nitra, 1987.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Bratislava, 2003.
- Mistrík J. Štylistika. Bratislava, 1989.
- Pravidlá slovenského pravopisu s abecedným pravopisným slovníkom. Praha, 1931.
- Sokolová M. České kontaktové javy v slovenčine // Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Sociolinguistica Slovaca 1. Bratislava, 1995. S. 188–206.
- Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí. Bratislava, 2006.

Лудольф и Марпергер: к истории одного разговорника начала XVIII в.

В. В. Шаповал

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

Разговорник, текстология, заимствование

Summary. J. P. Marperger's book «Moscowitischer Kauffmann» (1705, 1723) comprises a chapter on Russian language, where a short dictionary and a practical phrasebook is published. The source of this phrasebook in its 1705 version (reprinted in 1723) is the phrasebook compiled by H.-W. Ludolf (1696). Textology of this borrowing is very tricky and worth to be analysed more carefully.

Нельзя сказать, чтобы сочинения [M05]; [M23] плодovitого и разностороннего автора Пауля Якоба Марпергера (1656 г., Нюрнберг — 1730 г., Дрезден) вовсе игнорировались, хотя и не изучались столь подробно как свидетельства иностранцев до 1700 г. Далее оба источника цитируются в упрощенном графическом оформлении. Текстологические признаки заимствования из книги Г. В. Лудольфа в языковую главу у П. Я. Марпергера:

название разговорник: «РОЗЛИЧНИЕ РЕЧИ ПРОСТИЕ» = Roslitfchnije Retfchi profitje [M05: 148].

Здравствуй. Как тебя бог милуеть. ...Я давно тебя не видаль [Ларин 1937: 74], Дома ли твои хосьяинь? [Ларин 1937: 75], *Kack tebä Bog milujet? Spac'wo ja dafnó tebä ne widal* [M05: 148], *domali twoi brat?* [M05: 149]; хосьяинь > brat.

¹ Опечатка *спасиво* вм. *спасибо* [Ларин 1937: 74, прим. 1];

Завтракаль ли ты. Я поздо ужиналь вчерась, сверхъ тово я рѣдко ямь прежде объда. Изволишь снами хлѣба кушить. Челомъ бью, дѣло мнѣ. Точась объдь готовъ будеть, дѣвка стѣли скатертъ.

¹ Опечатка *скапретъ* вм. *скатертъ* [Ларин 1937: 75, прим. 1];

Saftrakal li ti? Jä posdo ufchinal wtfcheras. Swerch towo jä redko jām pŕeshde obeda. Iswōlifch fñami Chleba kufchit. Tŕchelom bju delo mne. Totŕchās obed gotōf budet defka fieli skatret [M05: 151].

Пожалуи куши, не побрѣзгуи нашимъ кушениемъ. ...Изволишь чарку вотки. Вотку не уживаю. [Ларин 1937: 77].

³ Опечатка *вушение* вм. *кушение* [Ларин 1937: 77, прим. 3].

Pofchalui kuschi, ne pobresgui naschim kufcheniem. Iswolifch tŕcharku wotki? Wotku ne ufchiwaju [M05: 151].

В то же время П. Я. Марпергер не только воспроизводит некоторые ошибки Лудольфа средствами латиницы, но и вносит исправления. Ошибки Г. В. Лудольфа, повторенные у П. Я. Марпергера: П. Я. Марпергер приводит фразу Г. В. Лудольфа с приемлемым исправлением: он исправил *Барень* [Ларин 1937: 76] на *paren* [парен(ь)]. Наличие ударений у Марпергера при отсутствии их у Лудольфа также говорит о том, что источник был объектом не только компиляции, но и творческого редактирования.

Литература

Ларин 1937 — Ларин Б. А. (перевод, вступительная статья): Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика (Оксфорд, 1696). Л., 1937; переиздано в составе: Ларин Б. А. Три иностранных источ-

ника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 511–658.

M05 — Marperger P. J. Moscovitischer Kauffmann: das ist Ausführliche Beschreibung der Commerciën, welche in Moscau und andern seiner czaarischen Majestät Bothmässigkeit interworffenen Reichen und Provinzien, so wol von dessen Unterthanen unter sich selbst, als mit Ausländischen Nationen getrieben werden: Zum Beschluss aber klein Vocabularium oder Russischer Wörter-Buch mit angehängt wird. Lübeck, 1705. [8], 158, [10] с.

M23 — Marperger P. J. Moscovitischer Kauffmann: Das ist: Ausführliche Beschreibung der Commerciën, welche in Moscau und andern seiner czaarischen Majestät Bothmässigkeit interworffenen Reichen und Provinzien so wol von dessen Unterthanen unter sich selbst, als mit ausländischen Nationen getrieben werden... Zum Beschluss aber ein klein Vocabularium, oder russischer Wörter-Buch... Lübeck, 1723. [14], 345, [5] с.

Бесприставочные и приставочные итеративы по данным памятников восточно-славянской письменности и лингвистической географии

М. Н. Шевелева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Итеративные корреляции, суффиксы имперфективации, диалектные системы

Summary. The paper deals with the history of the iterative verbs like *хаживати*, *отдаывати* in different dialect areas.

1. На зрелом этапе развития видовой системы, когда зона видовой неохарактеризованности становится минимальной, в нескольких славянских диалектных системах «безаористного» типа происходит формирование итеративных корреляций: производные от бесприставочных основ НСВ с помощью суффиксов имперфективации образования получают значение многократности (*ходить* → *хаживать*, *стоять* → *стаивать* и под.). В вост.-слав. ареале итеративные корреляции наиболее последовательное развитие получают в диалектной зоне широкого северо-востока: с XV в. по сер. XX в. бесприставочные итеративы типа *хаживать* были важным элементом глагольной системы сев.-вост. русских говоров, включая говоры Центра вокруг Москвы, и до сих пор являются таковыми в говорах севернорусских ([Пожирицкая 1991]; [Ровнова 2011] и др.). Бесприставочные итеративы могут быть образованы с помощью любого суффикса имперфективации (*бирать*, *певать*, *хаживать*), однако в силу наибольшей продуктивности в сев.-вост. диалектной зоне суффикса *-ыва- / -ива-* как средства имперфективации *-ыва-* модель оказывается для них самой частотной. Уже в XV–XVI вв. под влиянием бесприставочных итеративных корреляций появляются корреляции приставочных глаголов, образованных посредством суф. *-ыва- / -ива-* по модели «НСВ → производный от него *-ыва-* итератив», т. е. *отдавати* → *отдаывати* по аналогии с *ходить* → *хаживати*, *стояти* → *стаивати*. Именно в этот период роста продуктивности итеративных корреляций суффиксу *-ыва- / -ива-* начинает приписываться значение многократности, которое в др.-рус. эпоху не было его отличительной особенностью [Шевелева 2010].

2. Особенно употребительны итеративы в деловых документах XV–XVII вв., на материале которых они обычно и исследовались, однако встречаются и в текстах, более свободных от устойчивого формуляра, в том числе в летописях.

В **московских летописях XV–XVI вв.** итеративы представлены в прошедшем на *-л* либо в инфинитиве. В прошедшем времени они употребляются в общефактическом значении, отличаясь от обычных имперфективов НСВ эмфатическим подчеркиванием факта наличия / отсутствия данного действия. Как и в современных северных говорах и литературном языке, в отрицательных контекстах итеративы встречаются чаще. В большинстве случаев, как и в литературном языке нового времени, отрицание (утверждение) факта существования данной ситуации относится к неопределенно или по крайней мере очень длительному периоду в прошлом ‘вплоть до момента T’, что задает противопоставление последующему положению дел и воспринимается как значение давнопрошедшего: *и напередь того... цари подь городомь Московю стаивали и великие князи въ городъ не*

сѣживали (НЛ, 1541 г., 104). Однако встречаются и примеры отнесения общефактического отрицания или утверждения к незначительному временному интервалу при отсутствии противопоставления последующей ситуации: *и на перевозѣ стоял три дни, а Крымцы къ нему не бывали и не являлися* (НЛ, 1558 г., 296). В **северо-восточной ВПЛ** таких примеров относительно общего числа употреблений больше, ср. в местной записи: *Бысть первой мороз октября в 30 день, лунаго же 13, оттоле не таивало, а снѣгъ первой пал ноября 18...* (1477 г., 455 — ‘ни разу не’, но на ограниченном временном интервале) — ср. то же в арх. говорах: *Всю зимку книгу в руки не бирал; Год не бирала ничего* и под. [Пожирицкая 1991: 89–90].

Современная сев.-вост. система в отношении итеративных глаголов близка к состоянию, которое было характерно для системы говоров северо-востока и Центра в XV–XVI вв., однако в Москве уже в XVI в. намечается тенденция к сужению грамматической семантики итеративов и закреплению их за контекстами т. наз. «давнопрошедшего».

3. Остается неясным вопрос о итеративных корреляциях в **южнорусской диалектной системе**, т. к. употребительность их в ю.-р. деловых документах XV–XVII вв. могла быть отражением норм московского приказного языка [Кузнецов 1953: 267]. Однако поскольку в наиболее архаичных ю.-р. говорах итеративы все-таки известны [Ровнова 2011: 112], а также, как показано в дипломной работе А. Ю. Курмачева, употребление их в памятниках ю.-р. деловой письменности обнаруживает некоторые отличия от с.-р. и московских документов того же времени — прежде всего в более широком использовании итеративов в утвердительных контекстах — вероятнее предположить, что итеративные корреляции формировались и в ю.-р. системе и были впоследствии ею утрачены.

В **псковской** диалектной зоне суф. *-ыва- / -ива-* никогда не был продуктивен [Шевелева 2010: 236]; [Ровнова 2011: 122]. В псковских летописях итеративных образований на *-ыва- / -ива-* нет совсем. Помимо *бывати* (который исконно итеративом не был и известен и в ранних др.-рус. памятниках), здесь встречается только форма *не живали* (Пск. 3 лет., 1477 г., 178об.). Итеративные корреляции в псковской системе не получают регулярного развития.

В памятниках **Юго-Западной Руси XV–XVI вв.** также представлены итеративные образования, при этом с XVI в. суф. *-ыва- / -ива-* вытесняется здесь суффиксом *-ова-* в связи с общим ю.-з. процессом вытеснения *-ыва-* модели имперфективации моделью на *-ова-*: *хожовати*, *прошовати*, *прихожовати* [Житецкий 1889: 109–110]. Однако, как показывают материалы Т. С. Жуковой из Пересопницкого Евангелия XVI в., характер употребления итеративов в ю.-з. памят-

никах отличается от великорусского: во-первых, здесь преобладают утвердительные контексты; во-вторых — в большинстве случаев нет подчеркнутого противопоставления последующему положению дел. Эти особенности употребления обнаруживают черты сходства с чешскими и словацкими итеративами (об отличии их от русских см. [Исаченко 1960: 274–277]). Сейчас в украинском языке итеративы типа рус. *хаживал* утрачены, хотя встречаются еще в текстах XVIII в.

Возникающие в XV–XVI вв. итеративные образования имели некоторые различия в семантике по диалектным системам и не везде получали развитие — для их сохранения в системе требовались, очевидно, поддерживающие обстоятельства.

Литература

ВПЛ — Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006.

Житецкий П. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII–XVIII вв. Ч.1. Киев, 1889.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.

Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

НЛ — Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904.

Пожарицкая С. К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.

Пск. 3 лет. — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Ровнова О. Г. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21).

Шевелева М. Н. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20).

Общеславянские морфологические связи

М. В. Шульга

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Падежные оппозиции, русские говоры, старопольский, серболужицкий

Summary. The subject of the paper is a comparison of the systems of case oppositions in Slavic languages.

Развитие морфологической системы славянских языков, во всяком случае, именной системы, в значительной степени регулируется общими закономерностями и тенденциями на протяжении всего исторического периода и вплоть наших дней.

В истории русского языка были нейтрализованы падежные оппозиции Р. ед. и Д.–М. ед. жен. в субстантивном склонении (по говорам) и в адъективном склонении (шире по говорам, а также в литературном языке). При этом многие факты указывают на тенденцию к унификации системы падежных противопоставлений в формах существительных жен. рода типа *земля* и *грязь* и на реализацию этой тенденции в зависимых формах родоизменяемых слов. Тенденция может реализоваться как обобщение системы с различением Р. и Д.–М. ед. (Р. ед. *тое зѣмли, гряди, Д.–М. ед. той землѣ, гряди*) или как обобщение системы с омоформой Р.–Д.–М. ед.: *той землѣ, гряди* или *грязе*.

Однозначной интерпретации этих фактов в лингвистической литературе нет. Предполагается взаимовлияние твердой и мягкой разновидностей склонения, редукция безударных окончаний в адъективных формах и др. Обращение к инославянскому материалу выявляет общность многих морфологических тенденций и позволяет уточнить их интерпретацию.

Материал для сопоставлений дают старопольские языковые источники. Замещение флексии *-ѣ* флексией *-i* в форме Р. ед. типа *ziemi* в истории польского языка не может быть объяснено влиянием твердой разновидности, так как в других формах с морфологической корреспонденцией у *-ѣ* обобщения флексии твердой разновидности не произошло. О тенденции к омонимии в именных формах жен. рода можно судить по ее различным проявлениям, которые связывают Р. ед. с формой Д.–М. ед., с одной стороны, и с омоформой Р.–Д.–М. ед. жен. парадигмы типа *przyjaźń* — с другой, и обе эти парадигмы — со складывающейся омоформой в системе склонения прилагательных. В этот ряд мы ставим такие факты [Klemensiewicz 1964], как:

- 1) постепенное на протяжении XIV–XV вв. замещение флексии *-e* < **-ѣ* флексией *-i* в Р. ед. после мягких согласных: *prawicy, nędzy, nędzy, oblubienicy, pieczy, bogini, łożnicy, stajni*;
- 2) уподобление жен. склонения на согласный склонению на *-a* в форме Р. ед. на *-e*, случаи типа: *gęśle, czeladzie, słodycze*;
- 3) распространение новообразований на *-ej* из адъективной парадигмы как в склонении на *-a* (Р. ед. *wolej, rolę, strożej, duszej* и т. д.; Д. ед. *braciej, pracej, wolej, gospodyniej* и т. д.), так и в жен. склонении на согласный (Р. ед. *przyjaźniej, kradzieżej*; М. ед. *o niewdzięczności, w othlaniej*).

Здесь наглядны и типологически показательны взаимное уподобление двух жен. парадигм (типа *ziemia* и типа *przyjaźń*) и словоизменительная связь их обеих с атрибутивными формами. При обращении к русскому диалектному материалу тут возникают определенные параллели.

В истории русского языка вологодские говоры примечательны устойчивым сохранением различий между Р. и Д.–М. ед. в склонении на *-a*. Это диалектная территория, где унификация системы падежных противопоставлений у слов жен. рода ориентирована на парадигму типа *страна* (а не на парадигму типа *грязь*), так как именно здесь эпицентр форм типа (*к, в*) *грязе*, т. е. уподобления последних формам типа *земле* [Образование... 1970: 274]. Одновременно, и в свете всего сказанного это выглядит закономерным, вологодские говоры — эпицентр распространения двусложной адъективной флексии Р. ед. при односложной флексии Д.–М. ед., т. е. сохранения различий между Р. и Д.–М. ед. жен. в адъективной парадигме [ДАРЯ 1989, к. № 42, 74].

Прямую аналогию отношениям, наблюдаемым в вологодских говорах, находим в современном серболужицком языке. У существительных жен. рода (на *-a* и на мягкий согласный) здесь также обобщена система падежных противопоставлений с оппозицией Р. падежа и Д.–М. падежей. В соответствии с этим сохранена особая форма Р. ед. жен. у прилагательных и местоимений. Ср. [Славянские языки... 1977: 180–195]:

Р.	<i>kolnje</i>	<i>kosće</i>	<i>teje</i>	<i>dobreje</i>
Д.–М.	<i>kolni</i>	<i>kosći</i>	<i>tej</i>	<i>dobrej</i>

Здесь, как и в вологодских говорах русского языка, очевидна причинно-следственная связь между системой падежных противопоставлений существительных и определяющих слов.

Эта связь «работает» и в противоположном направлении — при ориентации говоров на систему падежных противопоставлений парадигмы типа *грязь*. Для существительных при этом характерны омоформы Р.–Д.–М. ед. типа *жене* или *жены* и унификация ударения у существительных на *-ь* в Д. и М. падежах по форме *гряди*, реже *грязе*, а для прилагательных омоформы типа *доброй*. Но наиболее показательны в рассматриваемом отношении современные диалектные данные относительно местоименной формы Р. ед. *ей* (ней), т. е. омоформы Р.–Д.–М. ед. жен. «В настоящее время форма род. п. [йей] известна подавляющему большинству говоров, имеющих совпадение форм род.–дат.–предл. п. существительных женского рода, редко ее отмечают на территории говоров, различающих эти формы» [Образование... 1970: 76, 86].

На примере приведенных здесь регулярных соответствий между русским, польским и серболужицкими языками мож-

но видеть, что реализация морфологической модели в разных славянских языках может существенно различаться «количественно»: соотношением вариантов, хронологией инноваций, распределенностью вариантов между разными типами речи и т. д. Возможны также различия в средствах реализации системных закономерностей. Но мы считаем возможным при этом говорить об общих закономерностях и тенденциях развития морфологической системы славянского имени на протяжении всего исторического периода, практически о единой модели, потому что отмеченные различия между разными языками в путях и средствах реализации языковой модели принципиально не отличаются от локальных (диалектных) различий в пределах одного типа.

История исследования «Возражения» патриарха Никона

С. Н. Юсупова

Московский государственный строительный университет (Москва, Россия)

Summary. The interest to spiritual life has been growing for the last two decades in our society: a lot of monasteries have been restored, new churches are being built. Studying medieval documents we can learn a lot not only about Russian language but also get some interesting information on history and save our literary heritage and traditions. Patriarch Nikon was one of the most outstanding figures in Russian history and history of the Russian Church. Nevertheless some of his works haven't been studied well enough and even have never been published.

«Возражение или разорение смиренного Никона, Божию милостью патриарха, противу вопросов боярина С. Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы» всего исторического периода Никоном в 1664–1665 гг. Эта обширная рукопись в 900 рукописных листов представляет собой концептуальное произведение на тему об отношении двух властей — государственной и духовной. Оригинал рукописи утерян, а списки хранятся в отделах редких книг разных библиотек: в ГИМ — № 133 (копией пользовались митрополит Макарий, В. Пальмер); в РНБ — № 218 (копией пользовался Каптерев); в Софийском собрании рукописей — № 1371; в БАН — № 1719 (из собрания Антоние-Сийского монастыря); РГБ — № 37 (из коллекции И. Д. Беляева и № 1411 из собрания Ундольского). Памятник никогда не издавался в оригинальном виде (на церковнославянском языке) в России или за рубежом.

В 1871 г. английский писатель диакон В. Пальмер перевёл «Возражение» на английский язык и издал его на английском языке в шести томах под заглавием “The Tsar and The Patriarch” (Лондон, 1873). Как считает Г. В. Вернадский, Пальмера интересовали только факты, поэтому при переводе «Возражения» на английский язык он заменял толкования патриархом Никоном библейских текстов на дословные цитаты из источников и опускал строки, в которых патриарх Никон перечислял титулы. Это, вне всякого сомнения, меняет стилистику текста и не даёт читателю прочувствовать особенности произведения.

В 1931 г. профессор Варшавского университета М. В. Зызыкин написал труд «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» и изложил содержание рукописи, однако это не было изданием самого текста.

В 1962 году профессор Г. В. Вернадский связался со ст. сотрудником Пушкинского дома АН СССР В. И. Малышевым, который передал ему микрофильм списка рукописи,

- Литература
- Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. СПб., 1864.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II: Морфология / Под ред. С. В. Бромлей. М., 1989.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии. М., 1970.
- Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков. М., 1977.
- Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Grammatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964.

принадлежавшей Крестному Онежскому монастырю. На основе этого микрофильма ученицей В. Б. Якобсона Валерией Туминой была подготовлена современная транскрипция текста с филологическим комментарием. Профессор Г. В. Вернадский написал вводную статью, дал описание присланного текста, изложил основные идеи рукописи, и все эти материалы были опубликованы в 1965 г. в Амстердаме издательством Mouton в книге “Patriarch Nikon on Church and State”. Тем не менее, описание памятника имеет довольно общий характер: отмечена некоторая путаница страниц, упомянуты случаи описок, неверной постановки знаков ударения и пропусков в тексте, дана характеристика шрифта (полуустав, переходящий в скоропись), проанализированы названия глав-возражений. Сами исследователи считают, что необходим полный лингвистический анализ «Возражения», сравнение разных списков рукописи — в их же распоряжении был только один вариант, так называемая ленинградская копия. И несомненно, что набранный современным русским шрифтом текст не даёт полного представления о памятнике.

В 2004 г. «Разорение» было опубликовано В. В. Шмидтом в Москве. Однако текст был также набран современным русским шрифтом.

Таким образом, не было ни одного издания рукописи на церковнославянском языке с полным переводом памятника на современный русский язык. В связи с этим представляется интересным проведение тщательного лингвистического анализа с исследованием лексики, синтаксиса, стилистики произведения с одновременным изданием текста на церковнославянском языке и параллельным переводом на современный русский язык. Также было бы интересно провести сравнительное исследование всех копий. Такая работа даст возможность широкому кругу читателей познакомиться с творчеством этого блестящего, по мнению современников, проповедника.

К истокам народной прозы в словацко-украинских пограничных областях (XVII–XVIII вв.)

К. Žeňuchová

Институт славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

Dialóg kultúrnych systémov Východ — Západ, identita, karpatský región, rukopis, ústna a písomná literatúra, folklór a literatúra

Anotácia. Práca sa venuje špecifikám jazykového a literárno-historického vývinu písomnej kultúry v karpatskom regióne na príklade písomných rukopisných pamiatok napísaných v cirkevnej slovančine so zameraním na zápisy ľudových prozaických žánrov.

В настоящей работе рассматриваются особенности языкового и литературно-исторического развития письменной культуры в карпатском регионе на примере церковнославянских рукописей, ориентированных на запись народных прозаических жанров.

Доклад посвящен вопросам языкового и литературно-исторического развития письменности в карпатском регионе и в восточной Словакии, где соседствуют несколько наций, каждая из которых имеет свою культурную, историческую и религиозную традицию. Специфику взаимовлияния

нескольких культур, языков и религиозных систем в пограничном ареале между славянским востоком и славянским западом мы рассмотрим на примере письменных памятников на церковнославянском языке: учительных евангелий, толкований евангельских перикоп, поучений, записанных народных прозаических жанров (сказок, легенд, апокрифов, басен, юмористических рассказов и анекдотов). Корпус исследованных рукописных текстов содержит произведения народной прозы, созданных перед возникновением первых

романтических (Афанасьев, Гримм, Добшинский, Шейн, Караджич) и профессиональных фольклорных сборников.

Мы сосредоточимся на анализе взаимоотношений письменной литературной традиции и народной словесности, объясним механизмы фольклоризации книжного источника и методы адаптации книжного текста в устной традиции. В контексте специфических подходов к фольклору мы попытаемся охарактеризовать прозаические тексты народной словесной культуры в ареале между *Paх Latina* и *Paх Byzantina*.